

12 СНОВ

УСПЕШНОГО ЧЕЛОВЕКА

ПУТЬ К СЕБЕ, К СМЫСЛУ И К БЕСЦЕННОЙ ЖИЗНИ

РАЗУМ

ЖДУН

СОХРАННИК

ЖИЗНЬ

НАЧАЛО

ОТПУСКАНИЕ

ВЫДОХ

ВЫБОР

ПОЗНАНИЕ

ДОВЕРИЕ

ЦЕЛОСТНОСТЬ

Открой –
и войдёт то,
что ты давно
не впускал

12 СНОВ – 12 ШАГОВ

К ЖИЗНИ, КОТОРУЮ СТОИТ ПРОДЛЕВАТЬ

ИГОРЬ ПАЛАМОНОВ

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СКАЗКА-ПРИТЧА

Игорь Паламонов

12 снов успешного человека

<https://litres.ru/74072988>

SelfPub; 2026

Аннотация

Успешный человек однажды замечает: внешне у него всё есть, но энергии становится всё меньше. Он умеет поддерживать привычную жизнь, но не знает, куда двигаться дальше.

Во сне он оказывается на дороге с указателем «Жизнь» и встречает своего Сохранника — внутреннюю силу, которая когда-то берегла его от боли, но теперь удерживает в старых напряжениях.

Двенадцать снов становятся двенадцатью встречами с прошлым, телом, страхами, ожиданием и привычкой жить «от проблем», а не «к жизни». В каждом сне герой ищет не готовый ответ, а вопрос, который помогает сделать следующий шаг.

«12 снов успешного человека» — психологическая сказка-притча для взрослых о внутренней свободе, самосохранении, зрелости и возвращении интереса к собственной жизни.

Содержание

Глава 1	5
Предисловие	6
Ждун	6
Глава 2	15
Первый сон	15
К чему, а не от чего	15
Глава 3	28
Второй сон	28
Дорога без гарантии	28
Глава 4	43
Третий сон	44
Выдох	44
Глава 5	61
Четвёртый сон	61
Дорога к Храму	61
Глава 6	75
Пятый сон	75
Стол, который не пустеет	75
Глава 7	105
Шестой сон	105
Сколько достаточно	105
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Игорь Паламонов

12 снов успешного человека

Глава 1

Предисловие

Ждун

У него всё было.

Не всё, о чём мечтают в юности, конечно. Но всё, что принято считать признаками состоявшейся жизни.

Семья.

Дети.

Дом.

Дача.

Машина.

Полки с книгами.

Фотографии из поездок.

Знакомые врачи.

Проверенные мастера.

Запасные ключи.

Деньги «на всякий случай».

И ещё немного денег — на случай, если всякий случай окажется не всяким, а серьёзным.

Он умел жить привычной жизнью.

Знал, где что лежит.

Знал, кому позвонить.

Знал, как договориться.

Знал, где выгоднее купить.

Знал, что полезно есть.

Знал, сколько надо ходить.

Знал, какие анализы сдавать.

Знал, какие новости лучше не смотреть перед сном.

Он знал многое.

Но всё чаще замечал странное: знаний становилось больше, а сил — меньше.

Он пробовал спорт.

Спорт помогал, но ненадолго.

Пробовал правильное питание.

Питание что-то улучшало, но не возвращало прежней лёгкости.

Пробовал режим сна.

Сон становился длиннее, но утро не всегда становилось живее.

Пробовал витамины, прогулки, дыхательные упражнения, умные книги, лекции, советы, новые методики и старые проверенные способы.

Он читал.

Слушал.

Смотрел.

Кивал.

Сохранял ссылки.

Пересылал полезное знакомым.

Но однажды понял: он многое слушает, но мало что слы-

ШИТ.

Не потому, что был глуп.

Не потому, что ленился.

Не потому, что не хотел жить лучше.

А потому что внутри него давно поселился Ждун.

Ждун не был злым.

Он не кричал.

Не запрещал прямо.

Не говорил: «Не живи».

Он говорил мягче:

— Потом.

— Не сейчас.

— Сначала надо разобраться.

— Надо накопить ещё немного.

— Надо дождаться подходящего момента.

— Надо подготовиться.

— Надо посмотреть, что будет дальше.

— Надо подстраховаться.

— Надо не рисковать.

Ждун был осторожен.

Очень осторожен.

Он умел ждать.

Ждать лучших условий.

Ждать ясного сигнала.

Ждать крайней необходимости.

Ждать, пока станет совсем невозможно жить по-старому.

И человек постепенно привык к этому ожиданию.

Он не сидел без дела. Нет.

Он работал, хлопотал, помогал, покупал, ремонтировал, планировал, лечился, заботился, проверял счета, следил за здоровьем, интересовался новостями, давал советы, делал полезное.

Со стороны он был деятельным человеком.

Но внутри всё больше становился тем, кто ждёт.

Ждёт, когда жизнь сама заставит его измениться.

Он жил так, будто главный шаг должен случиться не по его инициативе, а по обстоятельствам.

Пока гром не грянет.

Пока врач не скажет.

Пока дети не попросят.

Пока деньги не закончатся.

Пока тело не откажется.

Пока одиночество не прижмёт.

Пока страх будущего не станет сильнее привычки прошлого.

Он ждал крайней необходимости.

А пока её не было, он продолжал поддерживать привычный образ жизни.

Только поддерживать его становилось всё тяжелее.

Дом требовал внимания.

Дача требовала сил.

Вещи требовали места.

Обязательства требовали памяти.

Отношения требовали осторожности.

Тело требовало заботы.

Прошрое требовало оправдания.

Будущее требовало накоплений.

И всё это вместе становилось похожим на большой воздушный шар, который когда-то должен был поднять его выше, но теперь лежал на земле, привязанный десятками мешков.

Каждый мешок был вроде бы нужным.

Этот — на всякий случай.

Этот — жалко выбросить.

Этот — память.

Этот — пригодится.

Этот — детям.

Этот — для безопасности.

Этот — потому что так принято.

Этот — потому что уже куплено.

Этот — потому что трудно признать лишним.

Человек стоял рядом со своим шаром жизни и всё ещё надеялся на подъём.

Но вместо того чтобы сбрасывать балласт, он укреплял верёвки.

Он думал, что ему не хватает энергии.

А может быть, ему не хватало не энергии, а свободы от лишнего.

Лишних вещей.

Лишних страхов.

Лишних ожиданий.

Лишних доказательств собственной успешности.

Лишних привычек быть нужным.

Лишних тревог о будущем.

Лишних обид на прошлое.

Лишних разговоров, в которых он давно никого не слышал, включая себя.

Вечером того дня он долго ходил по дому.

Обычный дом.

Обычные стены.

Обычные вещи.

Обычная усталость.

Он открыл шкаф и зачем-то посмотрел на старую коробку, которую много лет собирался разобрать.

Потом закрыл шкаф.

Зашёл на кухню.

Налил воды.

Постоял у окна.

За окном темнело.

Он подумал, что завтра, пожалуй, начнёт что-нибудь менять.

Не всё сразу.

Но хоть что-то.

Потом усмехнулся.

Он уже много раз так думал.

Завтра.

Ждун внутри него довольно устроился поудобнее.

— Завтра, — согласился Ждун. — Завтра будет лучше.

Завтра ты будешь готов.

Человек лёг спать.

Дом затих.

Часы шли.

Тело, уставшее поддерживать привычную жизнь, постепенно отпускало дневное напряжение.

И тогда ему приснился сон.

Во сне он стоял на дороге.

Дорога была странной: вроде бы знакомой, но не той, по которой он ходил каждый день.

Она уходила вперёд, но не требовала спешить.

Она звала, но не обещала лёгкости.

Она была похожа не на дорогу к цели, а на дорогу сквозь самого себя.

У обочины стоял старый указатель.

На нём было написано всего одно слово:

Жизнь

Человек оглянулся назад.

Там виднелись дом, дела, заботы, накопления, достижения, тревоги, планы и всё то, что он много лет называл своей жизнью.

Потом он посмотрел вперёд.

Дорога молчала.

И вдруг из темноты рядом с ним кто-то произнёс:

— Долго же ты ждал.

Человек вздрогнул.

Перед ним стоял невысокий спутник в дорожном плаще.

Лицо его было одновременно знакомым и незнакомым. В нём было что-то от старого друга, что-то от сторожа, что-то от испуганного ребёнка и что-то от мудреца, который слишком долго жил возле закрытой двери.

— Ты кто? — спросил человек.

Спутник поправил плащ и ответил:

— Я твой Сохранник.

— Охранник?

— Нет, — мягко сказал тот. — Охранник не пускает. А я сохранял тебя, как умел.

— От чего?

— От повторения того, что ты когда-то не смог пройти.

Человек хотел возразить, но вдруг почувствовал тяжесть на плечах. Будто на нём были невидимые ремни. На груди — старый обруч. В горле — несказанные слова. В животе — тревога. В ногах — осторожность.

— Почему я раньше тебя не видел? — спросил он.

Сохранник усмехнулся:

— Потому что ты был занят. Ты накапливал, укреплял, доказывал, заботился, ждал. А я тем временем держал то, что ты не хотел снова почувствовать.

— И что теперь?

Сохранник показал на дорогу.

— Теперь ты увидишь двенадцать снов. В каждом — место, где ты когда-то не договорился с жизнью, с людьми или с самим собой. В каждом — старое напряжение. В каждом — вопрос, который может стать ключом.

— Ответ?

— Нет, — сказал Сохранник. — Ответы ты уже слишком часто искал у других. Теперь ищи вопросы, в которых твоя жизнь начнёт отвечать сама.

Человек хотел спросить, далеко ли идти.

Но дорога уже сделала первый поворот.

Глава 2

Первый сон

К чему, а не от чего

Он проснулся внезапно.

Не от шума. Не от боли. Не от тревоги.

Просто будто кто-то тихо тронул его за плечо изнутри.

В комнате было темно. Дом спал. За окном не двигалось ничего, кроме редких отсветов далёких фонарей.

Он повернул голову и посмотрел на часы.

До полуночи оставалось ещё несколько минут.

— Странно, — пробормотал он.

Сон был таким ясным, что не исчезал. Обычно сны рассыпаются сразу, стоит открыть глаза. А этот держался внутри, будто не закончился, а просто сделал паузу.

Дорога. Указатель с одним словом: Жизнь. Невысокий спутник в дорожном плаще. И его странное имя — Сохранник.

Человек попытался усмехнуться.

— Надо же такое присниться

Он хотел встать, налить воды, пройтись по комнате, мо-

жет быть, включить свет. Но тело вдруг показалось слишком тяжёлым для такого обычного действия.

Не больным. Не слабым. А именно тяжёлым — как чемодан, который слишком долго носили не разбирая.

Он снова лёг. Закрыв глаза.

И странное дело — заснул сразу.

Но сон не начался заново.

Он продолжился.

Человек снова стоял на дороге.

Позади виднелся указатель: Жизнь.

Рядом был Сохранник. Всё тот же невысокий спутник в дорожном плаще. Он стоял спокойно, будто никуда и не уходил.

— Я просыпался, — сказал человек.

— Да, — ответил Сохранник.

— Значит, это сон?

Сохранник пожал плечами:

— Для тебя пока удобнее считать это сном.

Человек хотел спросить, что значит «пока», но вдруг почувствовал, что за его спиной кто-то есть.

Он обернулся.

Теперь их было уже двое.

Первым был Сохранник.

А рядом с ним появился высокий сухощавый человек в простом сером одеянии. Лицо его было внимательным, но не суровым. Глаза — спокойными, почти прозрачными. Он

смотрел не на человека, а как будто сквозь него — не для того, чтобы разоблачить, а чтобы увидеть, где внутри запуталась дорога.

— А это кто? — спросил человек.

Сохранник ответил:

— Это Разум.

Человек насторожился.

— Тогда он, наверное, пришёл объяснить мне, чего я не знаю.

Разум чуть заметно улыбнулся.

— Нет. Если бы дело было только в знаниях, ты бы давно всё изменил.

— То есть знаний мне хватает?

— Для привычной жизни — да. У тебя их даже слишком много.

Человек нахмурился.

— А для новой?

— Для новой жизни знаний не хватает почти всегда, — сказал Разум. — Но это не беда.

— Как же не беда? Разве можно идти туда, о чём не знаешь?

Разум посмотрел на дорогу.

— Можно. Иначе никто бы никогда не начинал жить иначе. Знания о новом пути появляются только после первого шага. Пока ты стоишь на месте, у тебя есть только старые знания о старой дороге.

Человек молчал.

Эти слова были простыми, но почему-то неприятными.

Он привык уважать знания. Он всю жизнь опирался на знания. На опыт. На инструкции. На советы старших. На правила. На то, чему научили родители. На то, что впитал в семье, школе, институте, работе, обществе. На то, что помогло выжить, устроиться, состояться, построить дом, вырастить детей, не пропасть.

— Ты хочешь сказать, что всё это теперь бесполезно? — спросил он.

— Нет, — ответил Разум. — Всё это привело тебя сюда. Но не всё это может провести тебя дальше.

Сохранник тихо добавил:

— Я как раз и держал тебя возле старого. Там было знакомо.

Человек посмотрел на него с досадой.

— Значит, ты мешал?

— Я сохранял, — спокойно ответил Сохранник. — Как умел.

Разум поднял руку, будто останавливая спор.

— Тебе кажется, что не хватает знаний. На самом деле тебе не хватает направления.

— Направления?

— Да. Ты много лет двигался от чего-то.

Человек хотел возразить, но не успел.

Разум продолжил:

— От бедности. От беспомощности. От зависимости. От болезней. От одиночества. От стыда. От чужой оценки. От страха оказаться хуже других. От будущего, к которому надо накопить запас. От прошлого, которое нельзя повторить.

Человек опустил взгляд.

Дорога под ногами была тёмной, но не страшной. Просто незнакомой.

— Разве плохо уходить от плохого? — спросил он.

— Не плохо, — сказал Разум. — Но, если всю жизнь идти только от чего-то, ты всё равно остаёшься связанным с тем, от чего уходишь.

Эти слова легли в него тяжело.

Он вдруг вспомнил, как много лет говорил себе:

«Надо заниматься здоровьем, чтобы не болеть». «Надо копить, чтобы не остаться без денег». «Надо поддерживать связи, чтобы не оказаться одному». «Надо быть полезным, чтобы не стать лишним». «Надо всё контролировать, чтобы не случилось плохого».

Он многое делал правильно.

Но почти всё — от страха.

— А как иначе? — спросил он.

Разум ответил не сразу.

Впереди дорога раздваивалась, но пока оба направления были закрыты туманом.

— Иначе — это идти к чему-то.

— К чему?

— Вот это и есть первый вопрос.

Человек раздражённо вздохнул.

— Если бы я знал, к чему, я бы уже шёл.

— Нет, — мягко сказал Разум. — Если бы ты знал, к чему, ты бы сначала испугался.

— Почему?

— Потому что жизнь, которая действительно твоя, не с чем сравнить.

Человек не понял.

Разум подошёл ближе.

— Когда ты хочешь новую машину, ты примерно знаешь, что ищешь. У неё будут четыре колеса, сиденья, мотор, двери, руль. Она может быть красивее, быстрее, удобнее, дороже. Может быть, когда-нибудь к ней приделают пропеллеры, и она поднимется над дорогой. Но всё равно ты понимаешь, что это машина. Ты сравниваешь её с другими машинами.

Человек кивнул.

— А счастливая жизнь не похожа на новую машину, — сказал Разум. — Её нельзя выбрать по каталогу. У неё нет чужой модели. Никто не прожил твою счастливую жизнь до тебя. Её нельзя подсмотреть у соседа, у друга, у известного человека, у мудреца или у собственного прошлого.

— Тогда как её представить?

— Не сразу. Сначала нужно разрешить себе направление.

— Какое?

Разум посмотрел ему прямо в глаза:

— Не от болезни, а к живости. Не от одиночества, а к связи. Не от страха будущего, а к интересу продолжения. Не от усталости, а к свободе от лишнего. Не от обязанности быть успешным, а к жизни, в которой тебе самому интересно быть.

Человек почувствовал, как внутри что-то дрогнуло.

Не восторг. Не озарение. Не готовность немедленно всё поменять.

Скорее, маленький просвет.

Будто в тёмной комнате слегка приоткрыли занавеску.

— Но я же всё знаю, — вдруг сказал он упрямо. — Я знаю, что надо делать. Надо больше двигаться, меньше есть, лучше спать, меньше нервничать, больше отдыхать, не ссориться, заниматься делами, следить за здоровьем

Разум покачал головой.

— «Я всё знаю» часто означает: «Я не хочу ничего менять».

Человек хотел возмутиться, но слова застряли.

Сохранник тихо сказал:

— Потому что, если менять, неизвестно, что будет.

— Да, — сказал Разум. — Но, если не сделать первый шаг, ты никогда не узнаешь, что будет. Ты будешь знать только то, что уже знаешь. А это и есть привычная клетка.

Человек посмотрел на свои руки.

Они были его руками. Обычными. Взрослыми. Знакомыми.

Сколько всего они держали. Сколько строили. Сколько тащили. Сколько не отпускали.

— Я не понимаю, что значит «жизнь, которая моя», — сказал он тише.

— Хорошо, — ответил Разум. — Тогда не называй её сразу. Спроси иначе.

— Как?

— Как я представляю себе счастливую долгую интересную жизнь?

Человек молчал.

Вопрос был простой. Почти детский.

И именно поэтому трудный.

Он привык спрашивать себя иначе:

«Что надо сделать?» «Что опасно?» «Что не успел?» «Где ошибка?» «Что будет, если?» «Сколько надо накопить?» «Как избежать?» «Как не допустить?» «Как удержать?»

А этот вопрос был другим.

Не от угрозы. Не от дефицита. Не от сравнения.

Он открывал пространство, в котором ещё ничего не было ясно, но уже можно было дышать.

— Счастливая жизнь — медленно произнёс он.

Сохранник насторожился.

Разум заметил это.

— Не бойся, — сказал он Сохраннику. — Мы не отнимаем у него осторожность. Мы только меняем направление.

Сохранник молчал.

— Счастливая жизнь, — повторил человек, — это, наверное, когда я не просыпаюсь с мыслью, что опять надо всё поддерживать.

Дорога под ногами стала чуть светлее.

— Продолжай, — сказал Разум.

— Когда мне интересно, что будет дальше, а не страшно.

Туман впереди немного отступил.

— Ещё.

— Когда я не доказываю, что состоялся.

Сохранник пошевелился, будто хотел что-то сказать, но промолчал.

— Когда я могу разговаривать с близкими не только о делах, здоровье и обязанностях.

Разум кивнул.

— Ещё.

— Когда я не тащу лишнее только потому, что когда-то это было нужно.

Воздух стал свободнее.

— Ещё.

Человек вдруг почувствовал, что говорить становится легче.

— Когда я могу учиться, не чувствуя себя глупым. Когда я могу спрашивать, не теряя достоинства. Когда я могу не знать заранее, но всё равно идти. Когда моя жизнь развивается, а не просто обслуживает то, что уже накоплено.

Сохранник опустил голову.

— Я думал, если он не будет держаться за старое, он всё потеряет, — сказал он.

Разум повернулся к нему:

— Ты сохранял его от падения. Теперь помоги ему сохранить движение.

Сохранник долго смотрел на человека.

— А если он ошибётся?

— Ошибётся, — сказал Разум.

— А если ему будет больно?

— Иногда будет.

— А если новая дорога окажется не той?

— Тогда он уточнит направление.

Сохранник нахмурился.

— Уточнит?

— Да. Развитие — это не один раз найти правильную дорогу. Развитие — это всё время уточнять направление.

Человек вдруг понял, что всю жизнь хотел гарантии.

Чтобы сначала знать. Сначала убедиться. Сначала подготовиться. Сначала получить карту. Сначала увидеть чужой пример. Сначала сравнить.

И только потом идти.

Но дорога с указателем «Жизнь» не давала такой гарантии.

Она давала только следующий вопрос.

— Значит, моя задача сегодня — начал он.

Разум продолжил:

— Проще пареной репы. Определить направление. Не от чего ты уходишь, а к чему идёшь.

— И этого достаточно?

— Для первого шага — да.

Человек посмотрел вперёд.

Туман уже не был сплошным. В нём появились очертания: светлый дом без тяжести, рабочий кабинет без спешки, разговор без доказательств, дорога без необходимости бежать, сад без обязанности всё контролировать, лица близких, которых он не воспитывает и не спасает, а наконец слышит.

Это были не готовые ответы.

Скорее, намёки.

Но впервые за долгое время эти намёки были не про страх.

Они были про интерес.

— Я иду — сказал он и остановился.

Сохранник поднял голову.

Разум ждал.

Человек попробовал ещё раз:

— Я иду не от болезни, а к живости. Не от старости, а к долгой интересной жизни. Не от одиночества, а к отношениям, в которых можно слышать и быть услышанным. Не от будущего, которого боюсь, а к будущему, которое хочу уточнить. Не от накопленного, которое надо сторожить, а к свободе выбирать, что действительно нужно.

Когда он произнёс это, на дороге перед ним что-то блеснуло.

У самой обочины лежал маленький предмет.

Он наклонился и поднял его.

Это был Компас.

Но не обычный.

На нём не было севера, юга, востока и запада. На круглом циферблате светилось только одно слово:

Начало

Остальная часть круга была тёмной, будто скрытой под тонким слоем ночи.

— Он сломан? — спросил человек.

Разум покачал головой:

— Нет. Он не показывает то, что ты ещё не прожил.

— А как же мне узнать дорогу?

— Сначала узнай направление.

Человек снова посмотрел на светящееся слово.

Начало

И тогда он произнёс:

— Я иду не от болезни, а к живости. Не от старости, а к долгой интересной жизни. Не от одиночества, а к отношениям, в которых можно слышать и быть услышанным. Не от будущего, которого боюсь, а к будущему, которое хочу уточнять. Не от накопленного, которое надо сторожить, а к свободе выбирать, что действительно нужно.

Слово **Начало** стало ярче.

Потом рядом с ним медленно проступило второе слово.

Отпускание

Человек нахмурился:

— Что это значит?

Сохранник ответил не сразу.

— Наверное, — сказал он наконец, — тебе придётся отпустить желание заранее знать, какая дорога правильная.

Впереди действительно показались несколько дорог.

Одна была широкой и удобной, но вела кругом обратно к старому дому. Другая поднималась в гору. Третья уходила через лес. Четвёртая казалась почти незаметной, но от неё веяло свежим воздухом.

Человек хотел спросить, какую выбрать.

Но Компас молчал.

Он понял: следующий сон будет не о дороге.

Он будет о том, что нужно отпустить, прежде чем дорога начнёт отвечать.

Глава 3

Второй сон

Дорога без гарантии

Перед ним лежали четыре дороги.

Одна была широкой, ровной и почти уютной. Она уходила вперёд мягкой дугой, но человек почему-то чувствовал: если идти по ней достаточно долго, она вернёт его туда, откуда он пришёл.

Вторая поднималась в гору. Камни на ней были крупные, неровные, местами острые. Дорога не обещала удобства, но от неё веяло силой.

Третья уходила в лес. Там было темно и влажно. Между стволами двигался туман, и трудно было понять, есть ли там тропа или только намёк на неё.

Четвёртая была почти незаметной. Она не звала, не сияла, не обещала. Просто среди травы виднелась узкая светлая линия. Но именно от неё шёл свежий воздух.

Человек стоял и смотрел.

В руке у него был Компас. На нём светились два слова.

Начало. Отпускание.

Остальная часть круга оставалась тёмной.

— Почему он не показывает, куда идти? — спросил человек.

Сохранник ответил сразу:

— Потому что нельзя идти, пока не узнаешь, где безопасно.

Разум покачал головой:

— Нет. Потому что он не выбирает вместо тебя.

— Тогда зачем он нужен?

— Чтобы показать, что тебе мешает увидеть дорогу.

Человек посмотрел на светящееся слово.

Отпускание.

— Что я должен отпустить?

Сохранник напрягся.

— Ничего, — быстро сказал он. — Лучше ничего не отпускать. Всё может пригодиться.

Разум посмотрел на него спокойно:

— Вот поэтому мы и стоим.

Человек почувствовал знакомое внутреннее раздвоение.

Одна часть хотела идти. Другая хотела сначала всё просчитать.

Какая дорога правильная? Где меньше ошибок? Где не будет боли? Где быстрее результат? Где надёжнее? Где можно заранее понять, что не пожалеешь?

Он поднял Компас ближе к глазам.

— Я не могу выбрать, — сказал он. — Я вижу только на-

чало. Что будет дальше — неизвестно.

— Именно, — ответил Разум.

— Но как выбирать, если неизвестно?

— Никак, если тебе нужна гарантия.

Сохранник оживился:

— Вот! Я же говорил. Без гарантии нельзя.

В этот момент дорога, лес, гора и туман вдруг исчезли.

Человек оказался в маленьком кафе.

Он сидел за столиком у окна. На столе стояли две чашки чая, сахарница, старый блокнот и карандаш. За стеклом шёл дождь. Не сильный, но долгий, такой, который не собирается быстро заканчиваться.

Напротив него сидел человек, которого он не видел много лет.

Сначала он не поверил.

— Это ты?

Старый друг улыбнулся.

— Я.

Это был тот самый человек, который когда-то помог ему сделать важный выбор. Тогда, много лет назад, он колебался, сомневался, боялся ошибиться. Друг сказал несколько слов, и эти слова действительно помогли. После них он решился. Пошёл. Добился. Построил. Закрепился.

Можно было сказать, что часть его успешной жизни началась с того разговора.

— Ты здесь откуда? — спросил человек.

— Из твоей памяти, — спокойно ответил друг. — И немного из того места, где хранятся советы, которые когда-то сработали.

Человек оглянулся.

За соседним столиком сидел Сохранник. Он внимательно следил за разговором и держал обеими руками чашку, будто грелся о неё. Разум стоял у окна и смотрел на дождь.

— Значит, ты опять сможешь мне выбрать? — спросил человек.

Друг покачал головой.

— Нет.

— Почему?

— Потому что тогда я помогал тебе выбрать дорогу успеха. А теперь ты ищешь дорогу жизни.

— Разве это не одно и то же?

Друг посмотрел на него мягко, но очень внимательно.

— Если бы это было одно и то же, ты бы не оказался здесь.

Человек замолчал.

Эта фраза не обидела. Но задела.

— Тогда скажи, какая дорога правильная, — попросил он.

— Там, во сне, их четыре. Одна широкая, другая в гору, третья в лес, четвёртая почти незаметная. Я не знаю, куда идти.

Друг взял карандаш и нарисовал на салфетке четыре линии.

— Ты хочешь выбрать так, чтобы не ошибиться.

— Разумеется.

— Ты хочешь выбрать так, чтобы потом уже не пересматривать.

— Конечно.

— Ты хочешь заранее знать, что трудности будут оправданы.

— А что в этом плохого?

— Ничего, — сказал друг. — Кроме одного: так выбирают не жизнь, а инструкцию.

Человек нахмурился.

— А жизнь нельзя выбрать разумно?

— Можно. Но разумно — не значит с гарантией.

Сохранник за соседним столиком тихо стукнул чашкой.

— Без гарантии он опять может попасть туда, где было больно.

Друг повернулся к нему:

— Может.

— Тогда зачем идти?

— Чтобы не прожить остаток жизни возле закрытой двери.

Сохранник нахмурился.

— Закрытая дверь хотя бы известна.

— Да, — сказал друг. — И поэтому постепенно становится клеткой.

Человек смотрел на салфетку с четырьмя линиями.

— Но, если я выберу неверно?

— Ты обязательно выберешь не полностью верно.

— Это утешение?

— Это правда. Любой выбор сначала неполный. Потому что ты видишь только начало дороги. Дальше путь будет открываться по мере движения.

— А если дорога окажется не моей?

— Тогда она даст знание, что не твоя.

— А если я потеряю время?

— Ты уже теряешь время, пытаешься выбрать так, будто можно прожить без уточнения.

Эти слова задели сильнее.

Человек вдруг увидел свою обычную жизнь со стороны.

Сколько раз он откладывал не потому, что не хотел, а потому что хотел сначала понять всё. Сколько раз собирал сведения вместо шага. Сколько раз читал про здоровье вместо того, чтобы честно почувствовать тело. Сколько раз думал об отношениях вместо одного настоящего разговора. Сколько раз планировал изменения, чтобы не начинать их.

Он посмотрел на друга.

— Значит, мне всё равно, по какой дороге идти?

— Нет. Это слишком просто и слишком опасно. Не всё равно.

— Тогда как?

Друг подвинул к нему салфетку.

— Выбирай не дорогу навсегда. Выбирай способ идти.

— Способ?

— Да. Ты можешь идти по любой дороге в борьбе. И то-

гда даже самая красивая дорога станет тяжёлой. А можешь идти в познании. Тогда даже трудная дорога начнёт открывать тебя.

Разум у окна добавил:

— Вопрос не только в том, куда идти. Вопрос в том, из какого состояния ты идёшь.

Человек вспомнил первый сон.

Не от болезни, а к живости. Не от одиночества, а к связи. Не от будущего, которого боишься, а к будущему, которое хочешь уточнить.

— Я выбрал направление, — сказал он. — Но теперь надо выбрать дорогу.

— Нет, — ответил друг. — Теперь надо отпустить то, что мешает дороге стать учителем.

— И что это?

Друг начал перечислять, загибая пальцы:

— Желание знать заранее. Страх ошибиться. Привычку сравнивать свою дорогу с чужой. Ожидание идеального советчика. Надежду, что кто-то даст правильный маршрут. Требование, чтобы жизнь сначала доказала безопасность. И старую привычку думать, что если нет гарантии, значит нельзя начинать.

Сохранник встал.

— А если он отпустит всё это, он станет беспечным.

— Нет, — сказал друг. — Он станет обучаемым.

— Обучаемым? — переспросил человек.

— Да. Это лучше, чем уверенным.

— Почему?

— Уверенный часто защищает то, что уже знает. Обучаемый может встретить то, чего ещё не знает.

Человек почувствовал в груди лёгкое сопротивление.

Быть обучаемым в молодости было естественно. Быть обучаемым во взрослом возрасте — сложнее. Быть обучаемым после успеха — почти болезненно.

Потому что успех любит подтверждать себя.

Он говорит:

«Я уже понял». «Я уже умею». «Я не зря прожил». «Я имею право советовать». «Я знаю, как устроена жизнь».

Но дорога Жизни, похоже, требовала другого.

Не отказаться от прожитого. Не обнулить опыт. Не стать наивным.

А позволить себе снова учиться.

— Мне трудно быть незнайкой, — признался человек.

Сохранник сразу подошёл ближе.

— Потому что незнайку могут обмануть, унижить, обойти, поставить на место.

Друг кивнул.

— Когда-то так и было. Возможно, не раз. Но сейчас речь не о том, чтобы стать беспомощным. Речь о том, чтобы не прятать живое незнание под старой важностью.

Человек посмотрел в окно.

Дождь стекал по стеклу длинными дорожками. Из-за ка-

пель всё снаружи казалось размытым.

— Я не вижу, что там, — сказал он.

— Потому что смотришь через стекло, на котором осели старые страхи, — ответил друг.

— И что делать?

Друг взял карандаш и написал на салфетке один вопрос:

Что мне нужно отпустить, чтобы начать путь без полной гарантии?

Человек прочитал.

Потом ещё раз.

Вопрос не давал ответа. Но внутри что-то начало двигаться.

Он закрыл глаза.

Первым поднялось слово:

контроль.

Он хотел контролировать дорогу до того, как вступит на неё.

Потом пришло другое:

сравнение.

Он хотел знать, как у других, чтобы понять, правильно ли у него.

Потом:

страх ошибки.

Он хотел не ошибиться, потому что ошибка казалась не частью пути, а доказательством несостоятельности.

Потом:

ожидание разрешения.

Он будто всё ещё ждал, что кто-то взрослый, сильный, знающий скажет:

«Можно. Теперь безопасно. Теперь ты готов».

Он открыл глаза.

— Я должен отпустить желание получить разрешение на собственную жизнь, — сказал он неожиданно для себя.

Сохранник вздрогнул.

Друг внимательно посмотрел на него:

— Вот это уже ближе к двери.

— К какой двери?

— К той, возле которой ты стоишь много лет.

Человек медленно вдохнул.

— Я всё время ждал, что жизнь сама заставит меня измениться. Болезнь, кризис, потеря, одиночество, крайняя необходимость. Как будто только тогда у меня появится право начать.

Сохранник тихо сказал:

— Я думал, так безопаснее. Пока не прижало — лучше не трогать.

— А когда прижмёт? — спросил друг.

Сохранник не ответил.

— Когда прижмёт, — сказал Разум у окна, — человек часто уже не выбирает. Он спасается.

Человек почувствовал, как в нём откликается что-то болезненно знакомое.

Сколько раз он говорил себе: «Вот если станет совсем плохо, тогда займусь». «Вот если врач скажет серьёзно, тогда изменю». «Вот если отношения совсем испортятся, тогда поговорю». «Вот если сил не останется, тогда сброшу лишнее».

Он ждал не жизни.

Он ждал крайней необходимости.

— Я хочу начать раньше, — сказал он.

Сохранник посмотрел на него тревожно.

— Без гарантии?

Человек не сразу ответил.

Он чувствовал, как внутри поднимается старый страх: если выбрать не то, потеряешь накопленное; если отпустить контроль, тебя унесёт; если пойти без точного знания, окажешься глупцом.

Но рядом с этим страхом появилось другое чувство.

Тихое. Неуверенное. Но живое.

Интерес.

— Без полной гарантии, — сказал он наконец. — Но не без внимания.

Друг улыбнулся.

— Вот это и есть зрелый путь.

— Не понимаю.

— Без гарантии — не значит без разума. Без гарантии — не значит без осторожности. Без гарантии — не значит без опоры. Это значит: я не требую от жизни доказать весь путь заранее. Я готов идти и уточнять.

Сохранник медленно сел обратно.

— А моя работа тогда какая? — спросил он.

Человек впервые посмотрел на него не с раздражением, а почти с сочувствием.

— Не держать меня возле старого, — сказал он. — А помогать замечать, где я снова иду из страха.

Сохранник задумался.

— То есть не запрещать?

— Не запрещать.

— А предупреждать?

— Предупреждать можно, — сказал Разум. — Но не командовать прошлым.

Друг взял салфетку с вопросом и подвинул её к человеку.

— Теперь скажи, что ты отпускаешь.

Человек посмотрел на капли дождя за окном.

— Я отпускаю желание знать всю дорогу заранее.

Слово Отпускание на Компасе стало ярче.

— Я отпускаю ожидание идеального совета.

Свет усилился.

— Я отпускаю сравнение своей жизни с чужими жизнями.

Компас тихо нагрелся в ладони.

— Я отпускаю требование, чтобы выбор был безошибочным.

Сохранник сжал пальцы, но промолчал.

— Я отпускаю привычку ждать крайней необходимости.

После этих слов в кафе стало тише.

Даже дождь за окном будто замедлился.

Человек вдруг почувствовал, что внутри освободилось пространство и стало немного больше свободы. Не много. Не так, чтобы исчезли страхи. Но достаточно, чтобы стало легче дышать.

Он посмотрел на друга.

— А если я всё равно выберу не ту дорогу?

Друг улыбнулся:

— Тогда спросишь дорогу, чему она тебя учит.

— И этого достаточно?

— Для второго сна — да.

Человек снова оказался у развилки.

Четыре дороги были на месте.

Широкая. Горная. Лесная. Незаметная.

Но теперь они выглядели иначе.

Не как экзамен, где нужно выбрать единственно правильный ответ.

А как четыре возможных учителя.

Широкая могла научить видеть, где привычное притворяется безопасным. Горная — где усилие становится развитием, а где перенапряжением. Лесная — как идти через неизвестность, не превращая её во врага. Незаметная — как доверять тихому ощущению свежего воздуха.

— Так какую? — спросил Сохранник, но уже не так жёстко.

Человек посмотрел на Компас.

На нём светились два слова:

Начало. Отпускание.

И вдруг рядом с ними проступило третье.

Пока совсем бледное, почти прозрачное.

Выдох.

Человек поднял глаза.

У развилки, чуть в стороне, там, где раньше был только туман, он заметил окно.

Странно: окно висело прямо в воздухе. Без стены, без дома, без рамы вокруг. Просто окно посреди дороги.

Стекло было запотевшим.

За ним двигался свет.

— Что это? — спросил он.

Разум ответил:

— То, что открывается после отпускания.

— Там дорога?

— Может быть.

— Там ответ?

— Нет.

Друг, стоявший теперь рядом с ним, сказал:

— Там воздух.

Человек подошёл ближе.

На запотевшем стекле была короткая надпись пальцем:

Открой — и войдёт то, что ты давно не впускал.

Сохранник насторожился:

— А если вместе с воздухом войдёт опасность?

Человек посмотрел на него.

Раньше он бы, наверное, отступил.

Но теперь в нём было немного больше свободы.

— Тогда мы будем учиться различать, — сказал он. — Не закрываться от всего.

Он положил руку на холодную ручку окна.

И впервые за долгое время почувствовал не только осторожность.

Но и желание вдохнуть.

Глава 4

Третий сон

Выдох

Он положил руку на холодную ручку окна.

И впервые за долгое время почувствовал не только осторожность.

Но и желание вдохнуть.

Это желание было странным.

Не сильным. Не победным. Не таким, после которого человек уверенно распахивает двери, бросает прошлое и шагает в новую жизнь.

Нет.

Это было маленькое желание.

Почти незаметное.

Как первая щель света под дверью. Как тонкая струйка воздуха из комнаты, где давно не открывали окна. Как мысль, которая ещё не стала решением, но уже перестала быть только страхом.

Человек потянул ручку на себя.

Окно не открылось.

Он попробовал ещё раз.

Стекло дрогнуло, но створка осталась на месте.

— Заклинило, — сказал он.

Сохранник сразу оживился:

— Вот видишь. Значит, не надо. Если не открывается, значит, пока рано.

Человек отпустил ручку.

Где-то внутри него с облегчением шевельнулся Ждун.

Ждун любил такие моменты.

Когда можно было ничего не делать, потому что «не получилось». Когда можно было сказать: «Значит, не время». Когда можно было отложить ещё на день, неделю, год. Когда внешний знак как будто разрешал остаться прежним.

Ждун не спорил громко.

Он просто подсказывал:

— Не ломай. — Не торопись. — Надо изучить вопрос. — Надо понять, почему окно не открывается. — Может быть, есть более правильное окно. — Может быть, завтра оно откроется само.

Человек узнал этот голос.

Он много лет жил рядом с ним.

Этот голос появлялся, когда надо было разобрать лишние вещи. Когда надо было начать разговор с близким. Когда надо было заняться телом не через очередную методику, а честно и регулярно. Когда надо было признать, что привычная жизнь стала слишком тяжёлой. Когда надо было перестать ждать крайней необходимости.

Ждун всегда был рядом.

И всегда говорил почти разумно.

Разум, стоявший у окна, посмотрел на человека:

— Оно не заклинило.

— Тогда почему не открывается?

— Потому что ты пытаешься вдохнуть, не выдохнув.

Человек нахмурился.

— Что это значит?

Вместо ответа Разум показал на стекло.

Запотевшая поверхность окна начала темнеть. На ней выступили капли, потом линии, потом тени. И вдруг стекло стало похоже не на окно, а на экран, где проступала старая сцена.

Человек увидел комнату.

Обычную комнату. Стол. Люди. Разговор. Он был моложе. Значительно моложе. В руках держал листы. Говорил быстро, увлечённо, с надеждой. Он хотел предложить что-то новое. Тогда ему казалось, что это важно, интересно, возможно.

Но люди за столом слушали не так, как ему хотелось.

Один улыбнулся слишком снисходительно. Другой отвёл глаза. Третий сказал: «Ну, это всё красиво, но давайте ближе к делу». Кто-то посоветовал не фантазировать. Кто-то сказал, что так никто не делает.

И в какой-то момент он почувствовал, как внутри всё сжалось.

Грудь. Горло. Живот. Плечи.

Он продолжал говорить, но уже не говорил. Слова шли, а

он сам отступал.

Потом он сложил листы. Улыбнулся. Сказал что-то спокойное. Согласился, что надо подумать.

И внутри сделал вывод:

«Новое опасно. Лучше сначала понять, примут ли. Лучше не открываться раньше времени. Лучше не показывать то, что ещё не защищено».

Стекло снова запотело.

Человек стоял молча.

Сохранник тихо сказал:

— Я тогда помог.

— Чем? — спросил человек, не поворачиваясь.

— Закрыл. Чтобы больше так не задело.

— Ты закрыл окно?

— Я закрыл то, через что входило новое. Тогда новое приносило боль.

Разум добавил:

— И с тех пор ты стал часто гадать о новом, но редко открывать ему окно.

Человек почувствовал неприятный укол.

— Гадать?

И тут дорога, окно и развилка исчезли.

Он оказался в небольшой комнате с низким потолком.

В центре стоял круглый стол. На столе — чашка чёрного кофе, блюдо с густой кофейной гущей, старый деревянный ящик и небольшой топор с гладкой ручкой.

Комната была полутёмной.

В углу сидел Ждун.

Человек сразу понял, что это он, хотя раньше видел его только как внутренний голос.

Ждун оказался не страшным. Даже немного смешным. Круглый, мягкий, в тёплом халате, с чашкой в руках. Лицо у него было усталое, но довольное. Он был похож на того, кто умеет переждать любую погоду, любой разговор, любую возможность.

— Наконец-то познакомились, — сказал Ждун. — Садись. Сейчас посмотрим, что тебя ждёт.

Он перевернул чашку на блюдце и начал внимательно рассматривать узоры кофейной гущи.

— Вот тут, кажется, дорога, — сказал он. — А тут препятствие. А вот здесь, возможно, человек. Или болезнь. Или перемены. Непонятно. Надо подождать, пока подсохнет.

Человек посмотрел на него.

— Ты всегда так делаешь?

— Конечно, — ответил Ждун. — Надо же понять будущее, прежде чем в него идти.

Разум стоял рядом с деревянным ящиком.

Сохранник стоял у двери, настороженный, готовый в любой момент закрыть выход.

Друг из второго сна тоже был здесь. Он молча сидел у окна комнаты и смотрел на светлую щель между ставнями.

— А ящик? — спросил человек.

Ждун поморщился.

— Его лучше не трогать.

— Почему?

— Потому что пока он закрыт, там может быть всё что угодно. Хорошее. Плохое. Опасное. Полезное. Ненужное. Пока не открыл — есть надежда.

Разум положил ладонь на крышку ящика.

— Это ящик неизвестного.

Человек вдруг вспомнил выражение, которое когда-то слышал: ящик Шрёдингера. Там, пока не откроешь, будто бы одновременно живёт и одно, и другое. Неизвестность держит все варианты сразу.

— Значит, пока ящик закрыт, я могу думать, что там хороший исход? — спросил он.

— Можешь, — сказал Разум.

— И плохой тоже?

— Тоже.

Ждун кивнул:

— Вот именно. Поэтому лучше не открывать. Зачем портить возможность?

Разум посмотрел на человека:

— Пока ты гадаешь, ты сохраняешь возможность. Но не получаешь информацию.

Ждун недовольно поставил чашку.

— Информация может расстроить.

— Может, — согласился Разум.

— Может заставить что-то менять.

— Может.

— Может показать, что я ошибался.

— Может.

— Тогда зачем открывать?

Разум ответил спокойно:

— Потому что жизнь не продлевается гаданием о будущем. Она продлевается участием в нём.

В комнате стало тихо.

Человек посмотрел на ящик.

Он был простой. Без украшений. Без замка. Только крышка, которую можно было поднять.

Но рука не двигалась.

Внутри поднялось старое сжатие.

То самое. Из комнаты, где его не слышали. Из разговоров, где новое встречали усмешкой. Из тех лет, когда он решил сначала быть успешным, надёжным, правильным, а уже потом живым. Из множества вечеров, когда он читал, слушал, сохранял ссылки, но не открывал собственное окно.

Сохранник подошёл ближе.

— Я не против нового, — сказал он. — Я против внезапного.

— А если новое нельзя впустить постепенно? — спросил человек.

— Тогда лучше не впускать.

Разум взял со стола топор.

— Видел, как дровосек рубит дерево?

— Видел.

— Он не задерживает дыхание перед ударом. Он выдыхает. Не потому, что сдаётся. А потому что освобождает движение.

Он протянул топор человеку.

Тот взял его осторожно.

Топор оказался лёгким, почти игрушечным, но в руке сразу появилось ощущение действия.

Перед человеком вдруг возникла череда поленьев. Большие чурбаки стояли один за другим. На каждом было написано слово:

Ожидание. Гадание. Сжатие. Старая обида. Страх ошибки. Закрытость. Потом.

Ждун заволновался:

— Только не надо ничего рубить. Сначала надо понять, с какого полена начинать. И вообще, вдруг это ценные поленья? Вдруг пригодятся?

Сохранник тоже напрягся:

— Осторожнее. Если ударишь неправильно, можешь пораниться.

Разум сказал:

— Он не должен рубить всё. Он должен почувствовать выдох перед действием.

Человек стоял с топором в руках.

Он выбрал полено с надписью Потом.

Поднял топор.

И вдруг заметил, что задержал дыхание.

Плечи поднялись. Челюсть сжалась. Грудь стала твёрдой.

Он понял: так он делал часто.

Перед трудным разговором. Перед новым делом. Перед решением. Перед признанием. Перед вопросом к себе.

Он сжимался, будто собирался не жить, а выдержать удар.

— Не бей из сжатия, — сказал Разум.

— А как?

— Сначала освободи место.

— Где?

— В себе.

Человек опустил топор.

Закрыл глаза.

И сделал выдох.

Не глубокий. Не красивый. Не специальный.

Просто выдох.

Будто впервые за долгое время перестал удерживать внутри воздух, слова, старую неловкость, чужую усмешку, необходимость заранее знать результат.

Плечи опустились.

Челюсть стала мягче.

В груди появилось немного пространства.

Он снова поднял топор.

На этот раз вместе с движением пришёл выдох.

Топор опустился.

Полено «Потом» расколосось надвое.

Комната стала светлее.

Ждун ахнул.

— Это было лишнее! — сказал он. — Ты мог ещё подумать!

Человек неожиданно улыбнулся.

— Я и думал. Много лет.

Он посмотрел на остальные поленья.

Не хотелось рубить всё подряд. Не хотелось воевать с собой. Не хотелось изображать решительность.

Но стало понятно: некоторые вещи не надо бесконечно анализировать. Их надо раскалывать действием, которому предшествует выдох.

Не силой против себя. Не злостью. Не доказательством.

А освобождением движения.

Разум положил руку на ящик неизвестного.

— Теперь можно открыть.

Сохранник шагнул вперёд:

— Подожди. Что, если там плохое?

Человек посмотрел на него.

— Тогда это станет информацией.

— А если хорошее?

— Тогда это станет возможностью.

— А если непонятное?

— Тогда я буду учиться.

Ждун пробормотал из угла:

— Можно было бы ещё погадать

Человек взял чашку с кофейной гущей, посмотрел на тёмные разводы и вдруг понял, как много лет он занимался похожим.

Гадал по новостям. По анализам. По чужим историям. По словам знакомых. По настроению близких. По страхам. По усталости. По тому, что «время сейчас такое». По тому, что «в моём возрасте уже поздно». По тому, что «сначала надо подготовиться».

Он не называл это гаданием.

Он называл это рассудительностью.

Но часто это было не размышление, а попытка узнать будущее, не открывая ящик.

Он поставил чашку в сторону.

— Я не хочу больше гадать вместо того, чтобы узнавать.

Разум кивнул.

— Тогда вопрос.

Человек уже знал, что в каждом сне должен быть вопрос.

Не ответ. Не приказ. Не совет. А вопрос, который может стать ключом.

Он посмотрел на ящик. Потом на окно. Потом на полено, расколотое надвое.

И спросил:

— Что я могу впустить в свою жизнь, если сначала освобожу для этого место?

Комната замерла.

Вопрос был простой.

Но он не был пустым.

В нём было окно. В нём был выдох. В нём был ящик. В нём был отказ от гадания. В нём было место для новой информации, которая ещё не вошла.

Крышка ящика тихо приподнялась сама.

Не резко. Не пугающе.

Сначала из щели вышел воздух.

Свежий.

Потом свет.

Потом звук.

Человек услышал не голос, а множество тонких движений: как будто где-то за стенами этой комнаты шла жизнь, которую он долго не впускал.

В ящике не лежал готовый ответ.

Там было пространство.

Пустое место.

Но оно не было пустотой потери.

Это было место, куда могло прийти новое.

Человек вдруг понял: чтобы впустить новую мысль, нужно освободить место от старой. Чтобы впустить новое чувство, нужно выдохнуть старое сжатие. Чтобы услышать другого, нужно освободить пространство от своего готового мнения. Чтобы продолжить жизнь в будущее, нужно перестать держать будущее как угрозу.

Сохранник заглянул в ящик.

— Там ничего нет, — сказал он растерянно.

Разум ответил:

— Там есть возможность.

Ждун осторожно подошёл ближе.

— А если возможность не работает?

Человек посмотрел на него почти ласково.

— Тогда она станет опытом.

— А если опыт будет неприятным?

— Тогда он станет вопросом.

— А если вопрос не даст ответа?

— Тогда он откроет следующий шаг.

Ждун замолчал.

Впервые он не знал, что возразить.

В комнате снова появилось окно. То самое, что висело посреди дороги.

Теперь оно было не запотевшим.

За стеклом двигался светлый воздух. Не дорога, не дом, не готовая судьба. Просто открытое пространство.

Человек подошёл к нему.

Ручка больше не была ледяной.

Он вспомнил сцену из прошлого, где его не услышали. Где он сжался. Где Сохранник закрыл окно. Где новое стало опасным.

И впервые задал вопрос не тем людям, не прошлому, не себе обвиняющему, а самому месту старого напряжения:

— Что ты пыталось сохранить во мне?

Ответ пришёл не словами.

Он почувствовал: там сохранялось не только унижение. Там сохранялась живая способность предлагать новое. Просто она была заперта вместе с болью.

Он долго думал, что защищается от повторения стыда.

А на самом деле вместе со стыдом держал взаперти интерес.

— Я не хочу больше держать интерес в закрытой комнате,
— сказал он.

Сохранник тихо ответил:

— Я боялся, что его снова ранят.

— Его ранят, если он останется взаперти, — сказал человек. — Там он не живёт.

Разум подошёл к окну:

— Открывай на выдохе.

Человек кивнул.

Он не стал рывком распахивать створку. Не стал доказывать себе смелость. Не стал изображать героя.

Он просто сделал выдох.

И открыл окно.

Воздух вошёл не бурей.

Он вошёл мягко.

Сначала коснулся лица. Потом горла. Потом груди. Потом живота. Потом рук.

Человек почувствовал, как внутри, где долго было занято ожиданием, появилось немного свободного места.

Не вся жизнь изменилась. Не все страхи исчезли. Не все окна открылись.

Но одно открылось.

И этого хватило, чтобы на Компасе слово **Выдох** стало ясным и тёплым.

Человек посмотрел на круг.

Теперь на нём светились три слова:

Начало. Отпускание. Выдох.

Остальная часть ещё была тёмной.

Но рядом с третьим словом медленно проступил тонкий контур следующего деления.

Сначала он был похож на линию.

Потом на дверь.

Потом на две ладони, которые не отталкивают и не хватают.

И наконец появилось слово:

Выбор.

Сохранник сразу насторожился:

— Выбор — это опасно.

Ждун из угла добавил:

— Особенно если выбирать надо сейчас.

Разум посмотрел на человека:

— После выдоха выбор меняется.

— Как?

— Пока ты сжат, ты выбираешь между нападением и бегством. Пока ты закрыт, ты выбираешь между удержать и от-

толкнуть. Но когда появляется место, можно выбрать иначе.

— Как?

— Не бороться и не исчезать. Участвовать.

Человек хотел спросить, в чём именно.

Но окно вдруг расширилось.

За ним появились голоса.

Не страшные. Не громкие.

Знакомые.

Голоса близких людей.

Кто-то звал. Кто-то требовал. Кто-то жаловался. Кто-то ждал помощи. Кто-то обижался. Кто-то молчал так, что молчание звучало громче слов.

Человек почувствовал, как старое движение снова поднимается в нём.

Сразу помочь. Сразу объяснить. Сразу взять на себя. Сразу решить. Сразу стать нужным.

Сохранник сказал:

— Вот здесь осторожнее. Если не поможешь, потеряешь любовь.

Ждун добавил:

— А если поможешь всем, можно будет снова отложить свою жизнь. Очень удобно.

Человек вздохнул.

Но теперь он услышал это.

И не стал сразу действовать.

Он посмотрел на **Компас**.

Слово **Выбор** стало чуть ярче.

Человек понял: следующий сон будет не о том, какую дорогу выбрать.

Он будет о том, как выбирать себя, не бросая других.

И как помогать другим, не исчезая самому.

Глава 5

Четвёртый сон

Дорога к Храму

Окно осталось открытым.

За ним был воздух.

Сначала человек просто стоял и дышал.

После третьего сна это казалось почти чудом: можно было не гадать, не ждать, не сжиматься, а просто открыть окно и впустить то, что давно не входило.

На Компасе светились три слова:

Начало. Отпускание. Выдох.

Рядом с ними всё яснее проступало четвёртое:

Выбор.

И как только оно стало видимым, за окном появились голоса.

— Помоги. — Объясни. — Реши. — Подскажи. — Ты же можешь. — Ты же всегда справлялся. — Ты же не оставишь.

Голоса были знакомые.

Не чужие. Не враждебные. Близкие.

От этого стало труднее.

Если бы звали чужие, можно было бы закрыть окно. Если бы требовали враги, можно было бы отойти. Но звали те, кого он любил, кому помогал, за кого переживал.

И тело сразу вспомнило старый путь.

Собраться. Напрячься. Взять на себя. Сказать: «Хорошо, я займусь».

Он даже не успел подумать, а плечи уже поднялись. Грудь стала плотной. В горле появился готовый ответ.

Сохранник встал рядом.

— Осторожно, — сказал он. — Если выберешь себя, они решат, что ты их бросил.

Ждун сел на камень у дороги и зевнул:

— А если выберешь их, можно снова отложить свою жизнь. Очень удобно. Будешь нужен. Будешь занят. И менять ничего не придётся.

Человек посмотрел на него.

— Ты и здесь нашёл место?

— Конечно, — ответил Ждун. — Забота о других — прекрасное место, чтобы ждать свою жизнь.

Человек хотел возразить, но не смог.

Он вспомнил, как часто откладывал себя не потому, что ленился. А потому что надо было помочь. Надо было решить. Надо было быть рядом. Надо было не подвести.

И всё это было вроде бы правильно.

Но после такой помощи внутри иногда оставалась не радость, а усталость, а иногда злость.

Не тепло, а обида.

Не связь, а тихий вопрос:

«А обо мне кто-нибудь вспомнит?»

— Я не хочу стать эгоистом, — сказал человек.

Разум посмотрел на него:

— А кто сказал, что выбрать себя — значит бросить других?

— Разве не так?

— Не всегда. Иногда выбрать себя — значит остаться живым для других.

В этот момент дороги перед ними изменились.

На первой стояла табличка:

Я.

На второй:

Они.

На третьей:

Правильно.

На четвёртой:

Мы.

Дорога **Я** была яркой. На ней стояли зеркала, сундуки, кресла и заборы. На каждом заборе было написано: «Моё», «Мне», «Для меня».

Дорога **Они** была шумной. Там толпились люди, просьбы, дела, звонки, списки, ожидания.

Дорога **Правильно** была ровной и чистой. По краям стояли правила, советы, инструкции и чужие примеры.

Дорога **Мы** была самой тихой.

Она не была широкой. Не была самой удобной. Но по ней шёл свежий воздух.

Тот самый, который вошёл через окно.

— Куда ведёт эта дорога? — спросил человек.

Разум показал вдаль.

Там, в мягком свете, виднелось что-то похожее на Храм.

Не высокий и торжественный. Не каменный и холодный.

А тихий.

Такой, к которому не хочется бежать. К которому хочется идти.

— Это Храм? — спросил человек.

— Можно назвать и так.

— Храм чего?

— Храм ясности, — сказал Разум. — Место, где уже не надо бороться, чтобы быть собой.

Человек долго смотрел вдаль.

— А дорога **Мы** куда ведёт?

— Может вести.

— А может не вести?

— Может. Всё зависит от того, что ты по ней несёшь.

И тут человек почувствовал тяжесть.

Он посмотрел вниз.

На нём висели мешки.

Он не заметил, когда они появились. Но теперь они были везде: на плечах, на руках, на поясе, за спиной.

На мешках были надписи:

Я должен. Они должны. Если не помогу — плохой. Если выберу себя — предам. Надо всем доказать. Нельзя ошибиться. Надо решить окончательно. Жалко потерять. Я сам.

Он попробовал сделать шаг к дороге **Мы**.

Шаг получился тяжёлым.

— Вот, — сказал Разум. — Дорога может быть правильной, но груз сделает её непроходимой.

Сохранник сразу ответил:

— Это не груз. Это защита.

— Когда-то — да, — сказал Разум. — А сейчас посмотри сам.

Человек взял мешок с надписью:

Надо решить окончательно.

Он оказался почти пустым. Но весил так, будто был набит камнями.

— Почему он такой тяжёлый? — спросил человек.

— Потому что в нём твоя спешка, — сказал Разум.

— Какая спешка?

— Желание выбрать так, чтобы больше никогда не возвращаться к вопросу.

Человек молчал.

Он узнал это.

Он часто хотел сделать что-то один раз и навсегда.

Выбрать метод. Выбрать план. Выбрать решение. Выбрать

дорогу. Выбрать форму жизни.

Так, чтобы потом не сомневаться. Не уточнять. Не передельывать. Не возвращаться.

— Разве плохо хотеть определённости? — спросил он.

— Не плохо, — сказал Разум. — Плохо требовать от живого, чтобы оно стало мёртвым.

— Что это значит?

— Живое уточняется.

Человек посмотрел на мешок.

— Тогда как выбирать?

Разум взял с земли маленький камень и бросил его на дорогу **Мы**. Камень ударился о землю, отскочил и покатился. Там, где он коснулся дороги, вспыхнула тонкая светлая линия.

— Видишь?

— Что?

— Шаг даёт информацию.

— Но это же не ответ.

— Конечно. Это не ответ навсегда. Это информация для следующего шага.

Человек поднял глаза.

Разум сказал медленно, чтобы он услышал каждое слово:

— Ты тратишь энергию. Делаешь шаг. И узнаёшь, как новое соединяется с тем, что уже есть.

— А если плохо соединяется?

— Тогда ты узнаёшь это.

— А если хорошо?

— Тогда тоже узнаёшь.

— И что потом?

— Уточняешь следующий шаг.

Ждун вздохнул:

— Значит, всё равно придётся двигаться.

— Да, — сказал Разум.

Сохранник нахмурился:

— А где гарантия?

— Внимание вместо гарантии.

Эта фраза легла просто.

Без грома. Без озарения.

Но внутри стало чуть тише.

Человек понял: ему не нужно выбирать дорогу так, будто он ставит печать на всю жизнь. Он может сделать шаг и посмотреть, что этот шаг покажет.

Не торопиться завершать. Не торопиться доказывать. Не торопиться считать себя правым или неправым.

Когда не нужно сразу получить завершённость, можно идти медленнее.

А когда идёшь медленнее, меньше ошибок.

Он снял мешок:

Надо решить окончательно.

Положил его на землю.

Мешок стал совсем маленьким.

Потом он взял другой:

Если выберу себя — предам.

Этот мешок был тяжелее.

Рука не сразу разжалась.

И тогда на дороге **Мы** появилась женщина.

Он узнал её сразу.

Это была его жена.

Не такая, как в обычной комнате или на кухне. Не занятая делами, не уставшая, не торопящаяся.

Она стояла спокойно.

И смотрела так, как смотрят люди, которые давно рядом.

— Ты? — спросил он.

— А кого ты ждал на дороге **Мы**?

Он опустил глаза.

— Наверное, всех сразу.

— Поэтому тебе тяжело, — сказала она. — Ты часто думаешь, что мы — это когда ты отвечаешь за всех.

Он хотел сказать: «Но я же старался».

Она словно услышала.

— Я знаю, — сказала она. — Ты старался.

— Я хотел, чтобы вам было хорошо.

— Знаю.

— Я не хотел опять бросать.

— Знаю.

Он посмотрел на мешок.

Если выберу себя — предам.

— Тогда почему он такой тяжёлый? — спросил он.

Жена подошла ближе.

— Потому что ты часто выбирал нас против себя. А потом думал, что это любовь.

Слова были тихими.

Но он почувствовал их сильнее громких.

— А как иначе?

Она ответила не сразу.

Потом сказала:

— Выбирай себя не против нас. Выбирай себя, чтобы быть с нами живым.

Сохранник заволновался:

— А если он начнёт думать только о себе?

Жена посмотрела на него:

— Тогда это будет другая ошибка. Но сейчас он учится не исчезать.

Человек вспомнил правило из самолёта.

Сначала кислородную маску на себя. Потом помощи ребёнку.

Он слышал это много раз.

Но только теперь понял: это не про самолёт. Это про жизнь.

Если он сам не дышит, его помощь быстро становится тяжёлой.

Вдруг он словно оказался в самолёте.

На секунду.

Вокруг были близкие. Кто-то испугался. Кто-то тянул к

нему руки. Сверху упали маски.

Он по привычке потянулся к чужой.

Разум сказал:

— Сначала дыши.

Сохранник крикнул:

— Но они ждут!

Жена сказала:

— Дыши. Потом поможешь.

Он взял свою маску.

На секунду стало стыдно.

Будто он сделал что-то неправильное.

Но он всё-таки надел её.

Вдохнул.

Выдохнул.

И только потом помог тем, кто был рядом.

Видение исчезло.

Он снова стоял на дороге.

Мешок **Если выберу себя — предам**стал прозрачным.

А потом рассыпался.

Человек почувствовал, что ему стало легче стоять.

Не намного.

Но легче.

— Значит, мы не начинается там, где я исчезаю, — сказал

он.

— Да, — ответила жена.

— И не там, где я всех отталкиваю.

— Да.

— А где?

Она посмотрела на дорогу.

— Там, где твой шаг улучшает не только твою жизнь, но и нашу. И где наша жизнь не забирает у тебя право дышать.

Человек посмотрел на дорогу **Мы**.

Теперь на ней были видны первые камни.

Не вся дорога.

Только несколько шагов.

Но этого было достаточно.

— Я не знаю, что будет дальше, — сказал он.

Разум ответил:

— И не надо знать всё. Сделай шаг и посмотри, что он покажет.

Человек сделал шаг.

Дорога отозвалась мягким светом.

Ничего великого не произошло. Храм не приблизился сразу. Все вопросы не исчезли.

Но он почувствовал: шаг не потребовал клятвы. Не потребовал окончательного решения. Он просто дал информацию.

Так можно идти.

Потратил немного энергии. Получил отклик. Уточнил следующий шаг.

Он сделал ещё один шаг.

Сохранник шёл рядом.

— Я буду предупреждать, — сказал он.

— Хорошо, — ответил человек. — Но не останавливай меня прошлым.

Ждун плёлся позади.

— А можно всё-таки иногда ждать?

Разум улыбнулся:

— Можно. Если ждёшь не беды, а созревания.

Ждун задумался.

Похоже, это было для него новым занятием.

Дорога привела их к воротам.

На воротах было написано:

Зачем дорога, если она не ведёт к Храму?

Человек остановился.

— А если я выбрал не ту дорогу?

Разум сказал:

— Смотри не на название дороги. Смотри, что она делает с тобой.

— Как понять?

— Если на дороге становится больше борьбы, спешки и доказательства — она уводит. Если становится больше дыхания, ясности и участия — она ведёт.

Ворота открылись.

За ними был сад.

В центре сада стоял стол.

На столе лежали хлеб, яблоки, вода, книги, письма, фотографии, детские рисунки, телефон с непочитанными сообщениями, старые записи, чьи-то просьбы и несколько листов

с недосказанными словами.

Всё было вместе.

Еда. Слова. Память. Забота. Новости. Просьбы. Обиды.
Знания.

— Почему всё это на одном столе? — спросил человек.

Разум ответил:

— Потому что всё, что входит в твою жизнь, несёт энергию и информацию.

— Даже еда?

— Даже еда.

— А разговоры?

— Тем более разговоры.

— И обиды?

— Они тоже. Только если их не усвоить, они начинают жить внутри своей тяжёлой жизнью.

Человек посмотрел на стол.

Он вдруг понял, что после выбора всегда приходит новая работа.

Не только выбрать. Но понять, что вошло в тебя после выбора.

Не пережёвывать бесконечно. Не глотать всё подряд. Не отталкивать сразу.

А усвоить.

Что питает. Что учит. Что надо вывести. Что превратить в смысл. Что превратить в действие.

Компас в его руке стал тёплым.

Слово **Выбор** засветилось ясно.

Теперь на нём были видны четыре слова:

Начало. Отпускание. Выдох. Выбор.

Рядом с ними начало проявляться пятое.

Сначала оно было похоже на тепло над хлебом.

Потом — на спокойный разговор.

Потом — на опыт, который больше не надо пережёвывать.

И наконец проступило слово:

Усвоение.

Ждун посмотрел на стол и вздохнул:

— Тут много всего. Можно долго разбирать.

Сохранник добавил:

— И не всё можно принимать внутрь.

Человек долго смотрел на слово **Усвоение**.

А потом перевёл взгляд на стол.

И понял, что следующий вопрос уже ждёт его там.

Глава 6

Пятый сон

Стол, который не пустеет

Он проснулся рано.

Открыл глаза — и несколько секунд не понимал, где находится.

Перед глазами всё ещё стоял тот стол.

Стол из сада за воротами.

Хлеб.

Вода.

Письма.

Фотографии.

Телефон.

Старые записи.

Недосказанные слова.

Слово на Компасе тоже ещё светило где-то внутри:

Усвоение.

Он лежал и пытался вспомнить сон.

Дорога к Храму.

Мешки.

Кислородная маска.

Жена на дороге **Мы**.

Стол, на котором всё было вместе.

Еда.

Дела.

Слова.

Память.

Просьбы.

Обиды.

Знания.

Он хотел ещё немного полежать, чтобы не потерять это ощущение.

Но день уже входил в него.

Не через окно.

Через голову.

Нужно было съездить в загородный дом.

Посмотреть, как там дела.

Там был человек, который занимался хозяйством, но всё равно надо было проверить, правильно ли он всё делает.

Нужно было открыть почту.

Посмотреть новости.

Проверить финансы.

Ответить на сообщения.

Позвонить.

Уточнить.

Не забыть.

Решить.

Он ещё не встал, а стол уже начал заполняться.

Только теперь это был не сон.

Он вдруг понял, что уже сидит за кухонным столом.

Перед ним был завтрак.

Чашка.

Тарелка.

Хлеб.

Телефон рядом.

Какие-то бумаги сбоку.

Напротив сидела жена.

Она что-то говорила.

О доме.

О делах.

О том, что нужно не забыть.

О том, что кто-то звонил.

О том, что надо бы решить.

Он слушал и вдруг увидел: у неё в глазах тоже был стол.

Не кухонный.

Другой.

Такой же, как у него.

Заваленный делами, заботами, тревогами, словами, просьбами, планами, недовольствами и маленькими надеждами.

Он подумал:

«Мы две белки в беличьем колесе.

Интересно, в одном колесе или в разных?»

Жена посмотрела на него внимательнее.

— Ты меня слушаешь?

— Да, — сказал он.

И понял, что не совсем.

Он слышал слова.

Но не успевал их усвоить.

Они входили в него, как новости, как письма, как дела,
как завтрак.

Входили — и ложились в кучу.

Он попробовал почувствовать вкус еды.

Но мысли уже побежали вперёд.

Дом.

Почта.

Финансы.

Новости.

Человек в загородном доме.

Правильно ли он всё делает.

Надо проверить.

Надо понять.

Надо не упустить.

Он взял кусок хлеба.

Жевал.

И вдруг подумал:

«Я даже еду не ем. Я её добавляю в список».

От этой мысли стало неприятно.

Он отложил хлеб.

— Что-то не так? — спросила жена.

— Не знаю, — ответил он.

Это было честно.

Он не знал.

Он встал из-за стола.

Шея была тяжёлая.

Не больная так, чтобы испугаться.

Просто тяжёлая.

Как будто всю ночь держала голову над кучей дел и не дала ей упасть.

В животе тоже была тяжесть.

Не боль.

А что-то недопонятое.

Будто вчерашний день остался внутри и не стал ни силой, ни смыслом, ни свободой.

Он прошёл несколько шагов.

Ноги были тяжёлые.

Как будто заранее знали: сегодня он опять пойдёт туда, где надо проверять, удерживать и добавлять.

Он остановился у окна.

Хотел сделать выдох, как во сне.

Получилось не сразу.

Воздух вышел коротко.

Не до конца.

Сохранник словно тихо напомнил изнутри:

«Дел много. Расслабляться рано».

Ждун добавил:

«Вот разберёшься — тогда и выдохнешь».

Он усмехнулся.

Ждун был настойчив.

Даже утром.

Даже после четырёх снов.

День начался.

Он поехал в загородный дом.

Проверил одно.

Уточнил другое.

Посмотрел третье.

Позвонил.

Спросил.

Показал, как лучше.

Заметил, что можно переделать.

Нашёл ещё две мелочи, которые надо будет решить потом.

Потом почта.

Потом новости.

Потом финансы.

Потом сообщения.

Потом чей-то вопрос.

Потом ещё один.

Потом что-то, что можно было бы не читать, но он всё-таки прочитал.

Потом что-то, на что можно было бы не отвечать сразу,

НО ОН ОТВЕТИЛ.

К вечеру он почти не помнил, как прошёл день.

Потому что он не жил в этот день.

Он весь день добавлял новое к старой куче.

За ужином они с женой о чём-то говорили.

Обычный разговор.

Немного про дела.

Немного про дом.

Немного про деньги.

Немного про здоровье.

Немного про то, кто что сказал.

Немного про то, что надо будет сделать.

Он отвечал.

Кивал.

Иногда даже шутил.

Но из головы не выходил стол.

Тот самый.

Из сна.

И этот.

Кухонный.

И ещё один — внутренний.

Заваленный всем, что входит в жизнь, но не становится жизнью.

Он посмотрел на жену.

Она не похожа на мою мать.

Зря говорят, что мужчина ищет в жене мать.

Мама была терпелива.

Жена — не очень.

Но она всегда надёжна.

Он подумал это без раздражения.

Даже с теплом.

Раньше он мог бы сравнивать.

Оценивать.

Внутренне спорить.

Чего-то ждать.

А сейчас просто увидел: напротив него сидит не роль. Не «жена вообще». Не замена кому-то из прошлого.

Живой человек.

Тоже со своим столом.

Тоже со своей кучей.

Тоже, может быть, в своём колесе.

— Что ты так смотришь? — спросила она.

— Думаю, — сказал он.

— О чём?

Он хотел рассказать про стол.

Про Компас.

Про дорогу **Мы**.

Про кислородную маску.

Но понял, что пока не может.

Слова ещё не сложились.

— Пока не понял, — сказал он.

Она вздохнула:

— Ну, когда поймёшь, скажешь.

И он вдруг почувствовал благодарность.

Не за терпение.

Она действительно не была слишком терпеливой.

А за надёжность.

За то, что не требовала немедленного объяснения.

Вечером он лёг спать с мыслью:

«Наверное, сегодня я найду ответ ночью».

Но сон не приходил.

Он лежал долго.

Переворачивался.

Вспоминал стол.

Дела.

Жену.

Загородный дом.

Письма.

Новости.

Финансы.

Свою тяжёлую шею.

Тяжесть в животе.

Пытался понять, что значит **Усвоение**.

Но чем больше думал, тем больше мысль становилась тяжёлой.

Ждун где-то рядом довольно шуршал:

«Вот хорошо. Можно думать. Можно долго думать. Можно почти ничего не менять».

Сохранник говорил:

«Пока не понял — не трогай».

Разум молчал.

И это молчание было самым неприятным.

Потом он всё-таки провалился.

И ему ничего не приснилось.

Совсем ничего.

Ни дороги.

Ни Компаса.

Ни Храма.

Ни Сохранника.

Ни Разума.

Ни Ждуна.

Утром он проснулся ещё более усталым.

Как будто ночь не освободила, а только продолжила вчерашний день.

Он встал.

Шея снова была тяжёлой.

В животе — та же тяжесть.

На кухне всё было как обычно.

Чашка.

Тарелка.

Хлеб.

Телефон.

Бумаги.

Жена что-то делала у плиты.

Он сел и открыл еженедельник.

Просто так.

Не чтобы планировать.

А чтобы посмотреть.

Список дел был длинный.

Часть дел была вчерашняя.

Часть — сегодняшняя.

Часть — завтрашняя.

Часть давно переезжала со страницы на страницу.

Он смотрел на этот список и вдруг понял:

проблема не в куче дел.

Проблема в том, что он эту кучу создаёт.

Каждый день.

И каждый вечер в эту кучу добавляется больше, чем убывает.

Он не столько решает дела, сколько выращивает их.

Потому что за каждым делом появляется проверка.

За проверкой — уточнение.

За уточнением — новый пункт.

За новым пунктом — ещё один.

За каждым «надо» — ещё одно «надо бы».

Он хотел как можно больше работать.

Как можно больше получить результатов.

Как можно больше держать под контролем.

И незаметно цель сместилась.

Не жить лучше.

А сделать больше.

Не усвоить.

А добавить.

Он закрыл еженедельник.

И впервые за два дня спокойно выдохнул.

Не полностью.

Но глубже, чем утром.

В этот день он не стал резко всё менять.

Не стал вычёркивать половину дел.

Не стал объявлять себе новую жизнь.

Он просто несколько раз ловил себя на одном вопросе:

«Это дело снижает напряжение и помогает лучше работать голове и спокойнее быть телу?»

Или оно просто добавляет ещё один слой?»

На некоторые дела ответ был ясный.

На некоторые — нет.

Но вопрос уже работал.

Вечером он лёг спать без ожидания.

Почти без.

Он не стал требовать сна.

Не стал звать ответ.

Просто лёг.

И уснул.

На этот раз сон пришёл тихо.

Он оказался на дороге.

Но дорога была не к Храму.

Она вела к старому дому.

Не прямо к дому его детства.

Скорее к образу дома.

Там был двор.

Низкий забор.

Пыльная тропинка.

Скамейка.

Окно с занавеской.

И ощущение, что за спиной есть стена.

Не мягкая.

Не очень тёплая.

Но стена.

Задняя стенка норы.

Та, о которой не думаешь, пока не становится трудно.

Человек стоял и смотрел на дом.

И вдруг увидел отца.

Отец шёл по тропинке.

Почему-то босиком.

Это было странно.

Он шёл спокойно, как будто так и надо.

Не старый и не молодой.

Не таким, каким человек запомнил его в какой-то один

год.

А сразу разным.

Из многих лет.

— Ты почему босиком? — спросил человек.

Отец посмотрел на свои ноги, будто сам только что заметил.

— Неважно, как ты обут, — сказал он. — Важно, к кому и зачем ты идёшь. А обувь я куплю после встречи с вами.

Человек не сразу понял.

— После?

— Конечно. Если сначала покупать всё, что может понадобиться, можно ни к кому не пойти.

Отец сел на скамейку.

Человек сел рядом.

Как когда-то.

И не как когда-то.

Некоторые разговоры с родителями происходят уже после того, как их невозможно провести в обычной жизни.

Сон умеет возвращать не людей.

Он возвращает место, где разговор ещё не закончен.

— Я вчера видел стол, — сказал человек.

Отец кивнул.

— Стол всегда был.

— Какой?

— На который ты складываешь жизнь.

— Я думал, это дела.

— Дела тоже.

— А ещё?

— Еда. Слова. Деньги. Новости. Чужие просьбы. Свои обиды. Семейные заботы. Всё, что входит.

— И что с этим делать?

Отец посмотрел на него внимательно:

— Сначала перестать всё складывать в кучу.

Человек усмехнулся:

— Легко сказать.

— Трудно сделать, — согласился отец. — Поэтому сначала хотя бы увидеть.

Они помолчали.

Во дворе пахло землёй.

Босые ноги отца стояли на пыли спокойно.

Человеку вдруг стало интересно:

— А ты сам это умел?

Отец улыбнулся.

— Нет.

Ответ был короткий.

И от этого настоящий.

— Тогда почему говоришь мне?

— Потому что родители часто учат тому, чему сами только учились. А дети думают, что родители знали.

Человек посмотрел на дом.

— Вы учили меня стремиться к знаниям.

— Учили.

— Но и терпеть учили.

— И этому учили.

— И быть правильным.

— Как умели.

— И помогать.

— Да.

— И не бросать.

Отец посмотрел на него.

— Вот это ты сам добавил к тому, что мы дали.

Человек хотел возразить.

Но не стал.

Он вспомнил свою жизнь.

Первую семью.

Десять лет почти полного несогласий.

Решение уйти.

Вину.

Попытку потом уже ничего не бросать.

Помогать.

Держать.

Справляться.

Не повторить.

— Я не хотел опять бросать, — сказал он тихо.

Отец молчал.

И это молчание не давило.

Оно давало место.

— Иногда уйти — не значит бросить, — сказал отец наконец. — Иногда уйти — значит перестать мучить друг друга.

Человек опустил голову.

Слова были простые.

Но в них что-то раскрылось.

Не оправдание.

Не снятие ответственности.

А возможность не тащить всю жизнь один и тот же мешок.

— А как понять, кому помогать? — спросил он.

Отец взял с земли сухую веточку.

Провёл ею линию на пыли.

— Помогать надо тем, кто развивается.

— А если человек ошибается?

— Если развивается — помогай.

— А если идёт методом проб и ошибок?

— Не мешай.

— Как это — не мешай?

— Не забирай у него его путь.

— А если он упадёт?

— Смотря куда.

Отец провёл ещё одну линию.

— Если падает в яму — протяни руку. Если учится ходить

— не протаптывай всю дорогу.

Человек молчал.

Это было трудно.

Он привык думать, что помощь — это заранее убрать препятствие.

Подсказать.

Объяснить.

Подстелить.

Предупредить.

Проверить.

Проконтролировать.

— А соломку подстелить? — спросил он.

Отец усмехнулся.

— Иногда надо.

— А когда?

— Когда человек не видит яму.

— А если видит?

— Тогда спроси, нужна ли ему соломка.

— А если не спросит?

— Может, ему нужна не соломка, а опыт.

Сохранник появился рядом с забором.

— Опыт может быть болезненным.

— Может, — сказал отец.

— Тогда лучше заранее защитить.

— От всего не защитишь.

— Но можно попробовать.

— Можно. И тогда он будет учиться не жизни, а твоему

страху.

Сохранник замолчал.

Человек посмотрел на отца.

— А чему тогда учить детей?

Отец долго вертел веточку в руках.

Потом сказал:

— Родители не пингвины с яйцом на лапах. Нельзя всю

жизнь держать ребёнка так, чтобы он не коснулся земли.

Человек улыбнулся.

Образ был странный.

Но точный.

— А чему учить?

— Искать согласие. И уметь учиться.

— Согласие с кем?

— С собой. С людьми. С делом. С телом. С тем, что уже есть. С тем, что меняется.

— А если согласия нет?

— Тогда искать, где напряжение.

Эти слова прозвучали иначе.

Человек почувствовал шею.

Даже во сне она была тяжёлой.

Он положил руку на затылок.

— У меня шея болит.

— Значит, держишь голову там, где можно было бы увидеть телом.

— А живот?

— Там то, что вошло, но не стало твоим.

— Еда?

— И еда.

— Дела?

— И дела.

— Слова?

— Особенно слова.

— Обиды?

— Если их долго держать, они тоже требуют места.

Отец встал.

— Пойдём.

Они вошли в дом.

Внутри был стол.

Тот самый.

Но теперь он стоял не в саду.

И не на кухне.

Он стоял в родительском доме.

На нём лежало всё сразу.

Хлеб.

Суп.

Старые фотографии.

Школьные тетради.

Книги.

Письма.

Деньги.

Семейные разговоры.

Невысказанные обиды.

Детские просьбы.

Звонки.

Новости.

Еженедельник.

Старые планы.

Новые дела.

Человек подошёл к столу.

— Он опять полный, — сказал он.

— Конечно.

— Почему?

— Потому что жизнь всё время входит.

— Тогда как его очистить?

— Не очистить.

— А что?

— Разобрать.

— По какому правилу?

Отец взял кусок хлеба.

— Вот хлеб. Его можно съесть. Но если есть без чувства, он просто попадёт внутрь.

Он взял письмо.

— Вот письмо. Его можно прочитать. Но если читать без понимания, оно просто останется в голове.

Он взял старую фотографию.

— Вот память. Её можно беречь. Но если жить только в ней, она станет стеной.

Он взял еженедельник.

— Вот дела. Их можно делать. Но если каждое дело рождает ещё пять, ты кормишь кучу.

Человек смотрел на стол.

— А как понять, что брать?

Отец положил всё обратно.

— Спроси.

— Что?

— Это питает жизнь?

Это учит?

Это снижает напряжение?

Это помогает голове работать яснее, а телу быть спокойнее?

— А если нет?

— Тогда не спеши брать внутрь.

— А если уже взял?

— Тогда усвой или выведи.

Человек посмотрел на отца.

— Выведи?

— Да. Не всё, что вошло, должно оставаться в тебе.

Ждун выглянул из-за печки.

— А можно пока оставить? На всякий случай?

Отец посмотрел на него и улыбнулся:

— Вот из-за тебя стол и не пустеет.

Ждун обиделся:

— Я сохраняю.

— Нет, — сказал отец. — Ты часто складировешь.

Разум появился у окна.

— Сохранить можно только то, что нашло своё место.

Остальное становится кучей.

Человек взял в руки еженедельник.

Страницы сами начали перелистываться.

Вчерашние дела.

Сегодняшние.

Завтрашние.

Переехавшие.

Повторяющиеся.

Непонятные.

Чужие.

Свои.

Нужные.

Ненужные.

Те, которые снижали напряжение.

И те, которые только доказывали, что он занят.

Он вдруг увидел: некоторые дела были не делами.

Они были страхом, переодетым в полезность.

Некоторые были желанием всё проверить.

Некоторые — попыткой быть хорошим.

Некоторые — способом не чувствовать пустоту.

Некоторые — просто привычкой добавлять.

— Я думал, чем больше сделаю, тем лучше будет жизнь,

— сказал он.

— Иногда так, — ответил отец. — Но только если сделанное усваивается.

— А если нет?

— Тогда оно становится внутренним мусором.

Человек помолчал.

— Значит, меньше делать?

— Не обязательно.

— А что?

— Делать то, что проходит через жизнь. А не то, что за-
стреивает в куче.

— Как это?

Отец показал на стол:

— Одно дело сделал — стало яснее.

Другое сделал — стало спокойнее.

Третье сделал — кому-то стало легче развиваться.

Четвёртое сделал — и оно родило ещё десять тревог.

Смотри, что ты кормишь.

Человек услышал слово:

кормить.

Оно было точным.

Он кормил не только тело.

Он кормил тревогу.

Кормил контроль.

Кормил нужность.

Кормил доказательство.

Кормил кучу.

И удивлялся, почему она растёт.

— Всё в мире энергия и информация, — сказал Разум.

Отец кивнул:

— Даже еда.

— Тем более коммуникации, — добавил Разум.

Человек посмотрел на письма, телефон, фотографии,
хлеб, деньги, записи.

Всё это было разным.

Но всё входило в него.

Через рот.

Через глаза.

Через уши.

Через память.

Через тревогу.

Через любовь.

Через долг.

И всё это надо было как-то усвоить.

Не накопить.

Не пережёвывать бесконечно.

Не сделать вид, что ничего не вошло.

А превратить во что-то.

В силу.

В смысл.

В действие.

В освобождение.

Или вывести.

На столе вдруг появилась тарелка.

Пустая.

Отец поставил её перед ним.

— Выбери одно.

— Одно что?

— То, что сегодня нужно усвоить.

Человек посмотрел на стол.

Рука потянулась к еженедельнику.

Потом остановилась.

К телефону.

Тоже остановилась.

К старой фотографии.

Он взял её.

На фотографии были родители.

Молодые.

Не такие, какими он привык их помнить.

Они тоже когда-то шли без полной готовности.

Тоже ошибались.

Тоже учили тому, чему сами ещё учились.

Тоже не знали, как правильно.

Тоже, наверное, боялись.

Он положил фотографию на тарелку.

— Это? — спросил отец.

— Да.

— Что ты хочешь из этого усвоить?

Человек долго смотрел на фотографию.

Потом сказал:

— Вы дали мне стремление к знаниям. Но я не обязан вместе с ним хранить все ваши страхи.

Отец кивнул.

— Хорошо.

— И ещё.

— Что?

— Я могу помогать детям и близким не тем, что прохожу

путь за них, а тем, что учу искать согласие и учиться.

Отец снова кивнул.

Фотография на тарелке стала светлой.

Не исчезла.

Просто стала легче.

Потом человек взял еженедельник.

Положил рядом.

— А это?

— Это я тоже хочу усвоить.

— Что именно?

— Я создаю кучу, когда каждое дело должно доказать, что я полезен, нужен и всё держу.

— А как иначе?

Человек посмотрел на стол.

— Брать те дела, которые снижают напряжение и помогают лучше работать голове и спокойнее быть телу.

— А ещё?

— Те, которые помогают развитию. Моему и общему.

— А остальное?

Человек не сразу ответил.

Ждун высунулся:

— Оставить на потом?

Человек улыбнулся:

— Нет. Не всё.

Он взял несколько листков со стола.

На них были мелкие дела.

Проверить лишнее.

Уточнить очевидное.

Прочитать ненужное.

Ответить сразу, хотя можно не отвечать.

Вернуться к тому, что уже решено.

Переделать то, что можно просто улучшить потом.

Он положил их в маленькую корзину у двери.

На корзине было написано:

Вывести.

Сохранник напрягся:

— А если понадобится?

— Тогда вернётся как настоящее дело, — сказал человек.

— А не как тревожный хвост.

После этих слов в животе стало теплее.

Не совсем свободно.

Но теплее.

Шея тоже немного отпустила.

Как будто голове больше не надо было висеть над всей кучей сразу.

Отец посмотрел на него.

— Вот это и есть усвоение.

— Что именно?

— Когда вошедшее становится твоей силой, твоим смыслом или твоим освобождением.

— А если не становится?

— Тогда не держи.

Человек посмотрел на стол.
Он всё ещё был полон.
Но теперь это уже была не куча.
На нём появились места.
Хлеб — отдельно.
Письма — отдельно.
Дела — отдельно.
Память — отдельно.
Обиды — отдельно.
То, что питает.
То, что учит.
То, что надо вывести.
То, к чему можно вернуться позже.
То, что вообще не его.
Стол не опустел.
Но перестал давить.
На Компасе засветилось слово:
Усвоение.
Теперь были видны пять слов:
Начало.
Отпускание.
Выдох.
Выбор.
Усвоение.
Человек хотел спросить, что дальше.
Но отец приложил палец к губам.

— Не торопись.

— Почему?

— Ты только что начал усваивать.

— А дальше?

Отец посмотрел на стол.

— Дальше ты узнаешь, чего уже достаточно.

Слово **достаточно** прозвучало тихо.

Но на Компасе рядом с **Усвоением** дрогнула тёмная часть круга.

Будто там что-то услышало своё имя.

Человек посмотрел на отца.

Тот снова был босиком.

— Ты всё-таки купишь обувь? — спросил человек.

Отец улыбнулся.

— После встречи.

— С кем?

— С теми, к кому действительно надо идти.

И дом начал растворяться.

Сначала окно.

Потом стол.

Потом двор.

Потом босые ноги отца на пыльной земле.

Последним исчезла тарелка.

Пустая.

Но почему-то уже не голодная.

Глава 7

Шестой сон

Сколько достаточно

Он проснулся рано.

Обычно, во сколько бы он ни просыпался, день начинался одинаково.

Компьютер.

Финансы. Проекты. Письма. Новости. Сообщения. Ещё что-нибудь. И ещё кое-что, что вроде бы надо посмотреть, потому что вдруг там что-то важное.

Он часто даже не замечал, как оказывался перед экраном.

Проснулся — и уже там.

Как будто между сном и делами не было места.

Но в это утро ему не захотелось включать компьютер.

Не то чтобы он принял решение.

Просто не захотелось.

Лежать и валяться он тоже не стал.

Встал.

Пошёл на кухню.

И стал готовить завтрак.

Себе и жене.

Он делал это редко.

Почти никогда.

Не потому, что не умел.

А потому что всегда были дела.

Дела, которые начинались раньше завтрака. Раньше разговора. Раньше тела. Раньше вкуса.

Он достал хлеб.

Поставил чайник.

Нашёл тарелки.

Порезал что-то простое.

И вдруг заметил: пока он готовит завтрак, он может думать.

И это не мешает думать.

Даже наоборот.

Мысли шли спокойнее.

Не так, как перед компьютером, где одна цепляется за другую и каждая требует срочного ответа.

Здесь было иначе.

Рука делала простое.

Голова не торопилась.

Тело участвовало.

Он вспомнил историю о Будде Шакьямуни.

Не всю.

Только суть.

Будда долго искал истину.

Сначала он ушёл от дворца, богатства и удовольствий.

Потом ушёл в крайнюю аскезу.

Истязал тело, почти не ел, становился всё слабее.

Но в какой-то момент понял: если тело разрушено, ясность не приходит. Слабость тела не открывает истину. Она только забирает силы для поиска.

И тогда он принял пищу.

Простую.

Рис с молоком.

Не ради удовольствия.

И не ради накопления сил для новой борьбы.

А потому что телу нужно достаточно, чтобы сознание могло идти дальше.

Человек намазал хлеб.

И подумал:

«Может быть, достаточность начинается с этого.

Не много.

Не мало.

А столько, чтобы продолжать искать».

Он поставил завтрак на стол.

Напротив села жена.

Он посмотрел на неё и подумал: вчера он видел её стол. Сегодня, может быть, он впервые приготовил для этого стола что-то простое.

Без подвига.

Без объяснений.

Просто завтрак.

— Ты сегодня рано, — сказала она.

— Да.

— И без компьютера?

Он улыбнулся.

— Пока без.

Она посмотрела на тарелку.

— Что случилось?

— Не знаю, — сказал он. — Может быть, решил сначала поесть.

— Мудро, — сказала она.

И в её голосе было чуть-чуть иронии.

Но не злой.

Он сел.

Они ели молча.

И в этом молчании было больше разговора, чем во многих разговорах за последние дни.

Он снова подумал о достаточности.

Достаточно еды — для чего?

Чтобы тело не мешало думать.

Достаточно сна — для чего?

Чтобы не путать усталость с истиной.

Достаточно дел — для чего?

Чтобы жизнь двигалась, а не зарастала кучей.

Достаточно денег — для чего?

Достаточно знаний — для чего?

Достаточно помощи другим — для чего?

Вопрос вдруг изменился.

Не просто:

«Сколько достаточно?»

А:

«Достаточно для чего?»

Он замер с чашкой в руке.

Вот оно.

Достаточность не бывает сама по себе.

Достаточность всегда для чего-то.

Для пути. Для жизни. Для ясности. Для развития. Для связи. Для следующего шага.

Он хотел додумать.

Но мысль оборвалась.

Как будто подошла к двери и не смогла открыть.

Он весь день возвращался к этому.

Зачем дела?

Зачем финансы?

Зачем проекты?

Зачем проверять?

Зачем помогать?

Зачем знать?

Зачем копить?

Сколько достаточно, если непонятно — для чего?

Он смотрел на список дел и видел уже не пункты.

Он видел желания.

Одно желание — чтобы всё было под контролем. Другое — чтобы не случилось плохого. Третье — чтобы быть нужным. Четвёртое — чтобы доказать, что он справляется. Пятое — чтобы не чувствовать пустоту. Шестое — чтобы на всякий случай было больше.

Желаний было больше, чем реальной нехватки.

И это удивило его.

Он привык думать, что ему чего-то не хватает.

Времени. Сил. Денег. Порядка. Помощи. Понимания. Знаний.

Но теперь увидел: часто не нехватка мучила его, а избыток желаний, которые не знали своего «зачем».

Днём он вспомнил мать.

Вспомнил, что ещё до его рождения случилась авария с отцом.

Отец мог не выжить.

Он не знал, как именно это вошло в его жизнь.

Но иногда ему казалось, что где-то очень глубоко, раньше слов и раньше мыслей, поселилось ощущение:

опора может исчезнуть; помощь может не прийти; надо быть готовым; надо иметь запас; надо удерживать.

Он вспомнил первую жену.

Десять лет несогласий.

Видимо, у неё тоже был свой секрет.

Своя тёмная комната.

Своя боль, которую она не могла или не хотела открыть.

Он тогда пытался понять её.

Потом пытался изменить.

Потом терпел.

Потом злился.

Потом ушёл.

И долго нёс вину так, будто вина могла заменить согласие,
которого не случилось.

Он подумал:

«Чужая душа — потёмки».

И тут же добавил:

«А моя, пожалуй, ещё темнее».

Свои потёмки.

Вот что было страшнее.

Не чужая неизвестность.

А своя.

Он мог разбираться в проектах, финансах, делах, идеях,
чужих словах.

Но свои глубинные желания часто были темнее чужих.

Он хотел жить долго.

Хотел быть нужным.

Хотел помогать.

Хотел быть свободным.

Хотел не потерять.

Хотел иметь запас.

Хотел знать истину.

Хотел не ошибаться.

Хотел, чтобы близкие были счастливы.

Хотел, чтобы его понимали.

Хотел, чтобы тело не мешало.

Хотел, чтобы будущее было добрым.

Слишком много хотел.

И не всегда понимал, что из этого действительно нужно жизни.

К вечеру шея снова стала тяжёлой.

В животе появилась тяжесть.

Ноги тоже потяжелели.

То ли устали.

То ли пытались остановить ход мыслей.

То ли не хотели идти туда, куда голова всё время их гнала.

Он попробовал пройтись по комнате.

Не помогло.

Попробовал сделать выдох.

Помогло немного.

Но мысли всё равно продолжали идти.

Ночью он долго ворочался.

Думал о достаточности.

О Будде.

О рисе с молоком.

О матери.

Об аварии отца.

О первой семье.

О жене напротив.

О желаниях.

О своих потёмках.

Может быть, ему что-то снилось.

Какие-то обрывки.

Стол. Дорога. Чьи-то босые ноги. Компьютер. Тёмная
комната. Лес. Голос.

Но утром он ничего не увидел.

Только усталость.

Так прошёл ещё один день.

И ещё одна ночь.

Он уже не ждал сна так сильно.

Внутри что-то медленно укладывалось.

Не решалось.

А укладывалось.

На третий вечер он лёг спокойнее.

Без большой надежды.

Без требования.

Он просто лёг.

И уснул.

Сон начался не сразу.

Сначала была темнота.

Не страшная.

Просто тёмная.

Потом в темноте появились шаги.

Он шёл.

Рядом с ним был Ждун.

Чуть позади — Сохранник.

Впереди маячил Разум.

Далеко.

Словно светлая фигура на дороге.

Человек подумал:

«Наверное, ответ у Разума».

И пошёл быстрее.

Но ноги не ускорились.

Они стали тяжёлыми.

Словно дорога держала их.

Он попытался поднять правую ногу.

Тяжело.

Левую.

Тяжело.

— Что с вами? — спросил он у ног.

Ждун уселся на камень.

— Может, не надо идти? Всё равно неясно, куда.

Сохранник сказал:

— Если не знаешь, лучше остановиться.

Человек посмотрел вперёд.

Разум был там.

Но не приближался.

И вдруг человек вспомнил дневные мысли.

Свои потёмки.

Может быть, именно они и тормозят движение.

Не ноги.

А движение мысли.

Он сказал:

— Мне нужен кто-то, кто подскажет.

И как только произнёс это, дорога изменилась.

Перед ним появился человек.

Он узнал его.

Это был его друг.

Но не только друг.

Учитель.

Он так называл его про себя.

Когда-то он пришёл к нему за помощью.

А тот не стал сразу помогать руками, советами или приёмами.

Сначала объяснил, как он понимает устройство мира.

Говорил о движении энергии.

О напряжениях.

О том, что тело не просто болит.

О том, что лишнее не исчезает само.

О том, что живое стремится к экономии, а застывшее начинает требовать всё больше сил.

Тогда человек не всё понял.

Но что-то осталось.

И вот теперь этот друг-учитель стоял на дороге.

— Ты опять ищешь, чего тебе не хватает? — спросил он.

— Я ищу, сколько достаточно.

— Это почти одно и то же, если смотришь со стороны

нехватки.

— А как смотреть иначе?

Учитель поднял с земли сухую ветку.

— Видишь?

— Вижу.

— Дерево сбросило её не потому, что стало беднее. А потому что живому нужно избавиться от лишнего.

— Но я не дерево.

— Конечно. Ты сложнее. Поэтому тебе труднее.

Они пошли медленно.

Ноги уже не были такими тяжёлыми.

— Всё живое стремится к экономичности, — сказал Учитель. — Лишнее забирает силы. Достаточность начинается не с того, что ты получил всё нужное. А с того, что перестал тащить ненужное.

Человек остановился.

— Значит, достаточность — это избавление?

— Частично.

— От чего?

— От того, что уже не служит жизни.

— А если я хочу что-то новое?

— Освободи место.

— То есть, чтобы получить, нужно избавиться?

— Чтобы живое вошло, нужно, чтобы мёртвое не занимало всё пространство.

Человек вспомнил окно.

Выдох.

Ящик неизвестного.

Стол.

Кучу дел.

И вдруг понял: это всё было об одном.

Хочешь впустить новое — освободи место. Хочешь понять — отпусти лишнюю мысль. Хочешь помочь — не делай путь за другого. Хочешь достаточности — перестань кормить избыток.

— А если лишним оказывается то, что дорого? — спросил он.

Учитель не ответил сразу.

Дорога вывела их к большому полю.

На поле стояли вещи.

Очень много вещей.

Сундуки. Книги. Инструменты. Фотографии. Письма. Старые стулья. Детские игрушки. Часы. Одежда. Папки. Деньги. Подарки. Запасы. Планы.

А между ними стояли люди.

Близкие.

Друзья.

Знакомые.

Те, кто был рядом.

Те, кто ушёл.

Те, кого уже нельзя вернуть.

И даже домашние животные.

Они стояли не как в жизни.

Скорее как следы жизни.

Как тепло, которое осталось.

Человек почувствовал, как внутри всё сжалось.

Потеря вещи — это одно.

Можно выбросить. Можно купить другую. Можно забыть.

Но когда уходит человек.

Или живое существо.

Или привычный дом.

Или прежняя сила.

Или старая роль.

Это кажется не избавлением.

Это кажется уменьшением опоры.

Сохранник подошёл ближе.

— Вот почему нужно держать, — сказал он. — Чем больше рядом, тем безопаснее.

— Чем больше запас, тем больше жизнь, — добавил Ждун.

Учитель покачал головой.

— Запас может поддержать жизнь. Но запас не даёт жизнь.

— А что даёт? — спросил человек.

Учитель не ответил.

Он только показал вперёд.

Там, где раньше маячил Разум, теперь никого не было.

Разум исчез.

Человек испугался.

— Где он?

Учитель спокойно сказал:

— А где ты его искал?

— Впереди.

— Почему?

— Я думал, он знает ответ.

— Разум не впереди, — сказал Учитель. — Он в тебе.

Просто ты то пользуешься им, то отдаёшь управление страху.

В этот момент человек почувствовал странное.

Не мысль.

Не объяснение.

А будто что-то внутри собралось.

Разум не исчез.

Он оказался ближе, чем казалось.

Не впереди.

Не отдельно.

Внутри.

И человек впервые во сне почувствовал единение с ним.

Не полное.

Не навсегда.

Но ясное.

Он мог пользоваться Разумом.

А мог не пользоваться.

Мог идти с ним.

А мог отдавать дорогу Ждуну и Сохраннику.

И тогда становилось тяжело.

Учитель сказал:

— Ты всю жизнь хотел быть сильным и иметь всё на всякий случай.

— Да.

— Это не только твоё.

— Чьё ещё?

— Родителей. Предков. Первых людей. Тех, кто выживал. Тех, кто охотился. Тех, кто боялся остаться без стаи, без пищи, без огня, без защиты.

Человек посмотрел на поле вещей и следов.

— Но я не охочусь.

— Нет.

— Я не живу в пещере.

— Нет.

— Но тело всё равно напрягается так, будто живу.

— Да.

Сохранник сказал:

— Я сохранял.

Учитель кивнул:

— Сохранял. Но теперь нужно понять, что именно ты сохраняешь.

Человек почувствовал шею.

Тяжесть.

Живот.

Тяжесть.

Ноги.

Усталость.

— Значит, сначала надо избавляться от этой тяжести? — спросил он.

— Не избавляться с боем, — сказал Учитель. — А понимать, что она держит.

— Шея?

— То, что ты пытаешься удержать головой.

— Живот?

— То, что вошло, но не усвоилось.

— Ноги?

— То, куда ты не хочешь идти или не знаешь зачем идёшь.

— А достаточность?

— Это когда в теле достаточно свободы, чтобы идти дальше без лишнего груза.

Человек хотел запомнить всё.

Слишком хотел.

Мысли побежали одна за другой.

Предки. Запас. Стая. Шея. Живот. Ноги. Потери. Разум внутри. Достаточность. Избавление. Связь.

Он испугался, что всё это уйдёт.

Что проснётся — и забудет.

Он заворочался во сне.

Почти проснулся.

Но каким-то усилием не стал хватать мысль.

Он вспомнил выдох.

И сделал его во сне.

Мысли не исчезли.

Просто перестали толкаться.

Он снова уснул глубже.

Когда сон продолжился, Разум был уже рядом.

Не впереди.

Рядом.

Он шёл молча.

И это было хорошо.

Человек сказал:

— Я всё равно хочу понять до конца.

Разум улыбнулся:

— Вот старое желание.

— Какое?

— Решить так, чтобы больше не возвращаться.

— Но я хочу понять достаточность.

— Тогда не торопись сделать её окончательной.

Они подошли к полю потерь.

Теперь оно выглядело иначе.

Люди и вещи стали светлее.

Не исчезли.

Но перестали тянуть его назад.

Человек смотрел на тех, кто ушёл из его жизни.

Кто умер. Кто отдалился. Кто перестал быть близким. Кто был рядом только часть пути. Кто оставил боль. Кто оставил тепло. Кто оставил опыт.

— Потери уменьшают достаточность? — спросил он.

Разум ответил не сразу.

Учитель сказал:

— Потеря уменьшает привычную опору. Но может увеличить внутреннюю связь.

— Как?

— Если ты держишь ушедшего как дыру, ты теряешь силы. Если берёшь опыт, благодарность и смысл, связь остаётся.

— Но человека нет.

— Его формы рядом нет. Но то, что он изменил в тебе, может продолжать жить.

Человек молчал.

Это было трудно.

Он не хотел утешений.

Не хотел красивых слов.

Но это не было утешением.

Это было похоже на работу.

Усвоить потерю.

Не стереть. Не заменить. Не сделать вид, что не больно.

А понять, что она дала.

Что изменила.

Какой след оставила.

И что из этого может идти дальше вместе с ним.

— Значит, достаточность не в том, чтобы никого не терять?

— Нет, — сказал Разум. — Это невозможно.

— И не в том, чтобы иметь запас на всякий случай?

— Запас бывает нужен. Но он не главный.

— А в чём?

В этот момент он услышал голос.

Не совсем голос Учителя.

Но похожий.

Он звучал откуда-то сбоку и сразу изнутри.

— Как ты думаешь, какой компьютер живее?

Человек оглянулся.

Перед ним появились два компьютера.

Один стоял отдельно.

Большой.

Мощный.

С дорогим экраном.

На нём кто-то играл.

Потом смотрел что-то бессмысленное.

Потом открывал старые файлы.

Компьютер был сильный, но отключённый от сети.

Второй был проще.

Но он был подключён.

Через него шли данные.

Он обновлялся. Обменивался. Участвовал в общей задаче. Получал новое. Отдавал своё. Становился частью большой сети.

Голос спросил:

— Какой из них живучее?

Человек ответил сразу:

— Сетевой.

— Почему?

— Он обновляется.

— Ещё.

— Он не один.

— Ещё.

— Он участвует в общем.

— Ещё.

— Его ценность не только в том, что у него внутри, а в том, с чем он связан.

Голос замолчал.

И человек понял.

Не запас даёт живость.

Связность.

Обновление.

Участие.

Обмен.

Если компьютер отключён от сети, он может быть мощным, дорогим, полным файлов.

Но постепенно стареет.

Если человек отключён от живой связи, он может иметь запасы, знания, вещи, заслуги.

Но его жизнь начинает дряхлеть внутри.

Связь — не просто общение.

Связь с людьми. Связь с миром. Связь с новым. Связь с памятью без застревания. Связь с телом. Связь с вопросом. Связь с тем, что больше его одного.

— Тогда что накапливать? — спросил человек.

Учитель поправил:

— Не накапливать.

— А что?

— Увеличивать связность.

— С кем?

— С теми, кто развивается. С тем, что помогает жить. С тем, что делает тебя живее. С тем, чему ты можешь быть полезен без саморазрушения.

Ждун осторожно спросил:

— А запасы?

Разум ответил:

— Запасы нужны, если они поддерживают движение. Но если они заменяют связь, они становятся складом страха.

Сохранник сказал:

— А если кто-то выходит из сети?

Учитель посмотрел на поле потерь.

— Тогда благодарить за связь, которая была. И не превращать уход в остановку своей жизни.

Человек почувствовал, как эта мысль входит тяжело.

Но входит.

Не как лёгкое согласие.

А как пища, которую ещё нужно усвоить.

— А если человек не хочет развиваться? — спросил он.

— Тогда ему никто не поможет кроме него самого.

— Совсем?

— Можно дать руку. Можно дать слово. Можно дать пример. Но нельзя пройти его развитие за него.

— А если я очень хочу?

— Тогда ты снова кормишь свою нужность.

Человек опустил голову.

Это было знакомо.

Развитие действительно было циклическим.

Чтобы получить новое знание, нужно освободить место от старого.

Чтобы войти в новую связь, нужно перестать держать старую форму.

Чтобы идти дальше, нужно не тащить всё, что когда-то помогало.

Чтобы быть достаточным, нужно не набрать всё.

А перестать быть переполненным лишним.

Он посмотрел на Компас.

Слова светились:

Начало. Отпускание. Выдох. Выбор. Усвоение.

И теперь ярко горело шестое:

Достаточность.

Он ждал, что рядом появится следующее слово.

Но оно не появлялось.

Компас молчал.

Человек удивился.

— Почему дальше ничего нет?

Разум сказал:

— Потому что ты ещё пытаешься понять достаточность как ответ.

— А как надо?

— Как меру для движения.

— Меру?

— Да. Достаточно — это не конец желания. Не конец дел. Не конец потерь. Не конец поиска. Это мера, при которой ты можешь идти дальше живым.

Человек посмотрел на поле.

На вещи.

На ушедших.

На живых.

На Сохранника.

На Ждуна.

На Учителя.

На Разум рядом.

И вдруг понял:

достаточно — это не когда всё есть.

Достаточно — это когда лишнее не мешает идти к тому, что действительно важно.

Он спросил:

— А что действительно важно?

Разум не ответил.

Учитель тоже.

Сохранник молчал.

Даже Ждун не вставил своё «потом».

И в этой тишине человек сам услышал:

жить так, чтобы помогать жизни продолжаться.

В себе.

В близких.

В тех, кто хочет развиваться.

В делах, которые уменьшают напряжение.

В связях, которые делают всех живее.

В знаниях, которые помогают видеть потёмки — сначала свои, потом чужие.

Он не стал произносить это вслух.

Побоялся сделать мысль слишком громкой.

Но Компас услышал.

Рядом с **Достаточностью** дрогнула тёмная часть круга.

Медленно проступило новое слово.

Сначала как удар сердца.

Потом как шаг.

Потом как дыхание.

Ритм.

Человек долго смотрел на него.

И понял: если достаточность — это мера для движения, то дальше нужно научиться не бежать и не стоять.

А идти в ритме.

Так, чтобы жизнь успе

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.